

Подлинная история Руси

**СКИФСКАЯ
ИСТОРИЯ**

Андрей Иванович Лызлов
Скифская история
Серия «Подлинная история Руси»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5014724
Скифская история: Алгоритм, Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-6995-5658-8

Аннотация

Русский историк и переводчик Андрей Иванович Лызлов (ум. после 1696 г.) – один из первых российских историков в современном смысле этого слова, предтеча великих М.В. Ломоносова и В.Н. Татищева. В 1692 закончил работу над «Скифской историей», в которой описал борьбу русского народа с монголо-татарскими и турецкими завоевателями. Лызлов использовал большой круг источников и исторических сочинений (летописи, хронографы, разрядные книги, варианты «Казанской истории», украинские исторические труды, польско-литовские хроники, сочинения латино-итальянских и других авторов). «Скифская история» уже в рукописи получила широкое распространение в России, затем была дважды издана Н.И. Новиковым (в 1776 и 1787 гг.).

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
ЧАСТЬ 2	15
Глава 1	15
Глава 2	21
Глава 3	26
ЧАСТЬ 3	32
Глава 1	32
Глава 2	34
Глава 3	39
Глава 4	43
Сице о мученицех повествуется	45
О чудесных делах, бывших в Казани, и о знамениях	46
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Иванович Лызлов

Скифская история

ИСТОРИЯ СКИФИЙСКАЯ,

содержащая в себе: о названии Скифии, и границах ея, и народех скифийских монгаллах и прочих, и о амазонах мужественных женах их, и коих времен и яковаго ради случая татаре прозвашася и от отеческих своих мест в наши страны приидоша, и яковыя народы во оных странах быша, и идеже ныне татарове обитают. И о начале и умножении Золотыя орды и о царех бывших тамо. О Казанской орде и царех их. О Перекопской или Крымской орде и царех их. О Махомете прелестнике агарянском и о прелести вымышленной от него. О начале турков и о салтанах их.

От разных иностранных историков, паче же от российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета от Сотворения Света 7200-го, а от Рождества Христова 1692-го.

Разделяется же в четыре части, к тому приложена повесть о поведении и жителстве в Константинополе султанов турецких, еже преведена от славенополского языка в славенороссийский язык им же, Андреем Лызловым.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

О названии Скифии, и границе ея, и о народах скифийских названных монгаилах и прочих, и о амазонах мужественных женах их, и коих татар суть сии татарове, иже в Европу приидоша

Диодор Сикулос, историк вельми старовечный, иже писал книги о деяниях разных народов во время кесаря Августа, поведает скифом начало имети от Скифа, перваго князя их, рожденнаго от Еови и девицы. Иже бяше до пупа человек, останок же его наподобие змии обретается, такожде и мать Скифову, самородно из земли своєю произведшуся. О сем инья летописцы сумневаются и глаголют, что бы то за дивы были? [Ибо о таковых, кроме Мелюзины морской, не обретается.] И мнят повесть то быти лживую или басни в себе содержащую.

Инья историки глаголют, яко Скифия названа есть от Скифа, сына Геркулесова, и есть двояка: едина европейская, в ней же мы жителствуем, тоест москва, россиане, литва, волохи и татарове европския. Вторая ассийская, в ней же вси скифския народы обитают, от полуногци на восток седягция. Сии ассийския скифи премного расплодишася и различными именованиями прозвашася. Едини тауресы, иже у горы Таурус жителствуют, инии агатырси, еще эсседони [иже родителем своим вместо земли в себе чинили погребение, ибо мертвых их ядыху] и массагети, арисмани, сакеви или саги.

Сии вси скифийские народы бяху потаени и незнаеми греком и латинником. Границы же скифийския з запада от реки Дону [а Ботер, описатель всего света, полагает от Волги, еже и приличнее имать быти]. На восток солнца до пределов хийских, иже со Индию. С полудня от моря Меотскаго, то есть Азовскаго, и Каспийскаго, то есть Хвалисскаго. На полночь даже до океана скифийскаго Ледоватаго.

Разделяется же на четыре части. Едина имеет в себе Орды все. Вторая загатаи и все народы, иже суть при Уссоне и пустыни Лопской. Третья обдержит Китай, и еже обретается в помянутой пустыни, и Хинское государство. Четвертая содержит страны мало нам ведомыя, яко Белгиан, Аргон, Арсатер, Аниа.

Но от пятисот лет и большпи, егда скифове народ, изшедши от страны реченныя их языком Монгаль, ея же и жители назывались монгаилы или монгаили, поседоша некоторыя государства [яко о том будет ниже], измениша и имя свое, назвашася тартаре, от реки Тартар или от множества народов своих, еже и сами любезнее приемлют или слышат.

И меньшая половина Скифии, яже над морем Ассийским, называется Тартариа великая. Разделяется же Тартариа великая от Скифии Имаусом горою великою и знаменитою: еже со одну страну – то Тартариа, а еже от сея страны – то Скифия. Идеже обретается гора каменная Кауказ названная, блиско моря Хвалисскаго. С другую же страну, от полудня и востока, разделяет их гора великая, Быкова реченная, по латине – Моне Таурус, на ней же первое стал ковчег Ноев по потопе.

О сих татарех монгаилех, иже живяху в меньшей части Скифии, которая от них Таргариа назвалась, множество знаменитых дел историкове писали, яко силою и разумом своим, паче же воинскими делы на весь свет прославляхуся. Сии ничто же особое, кроме жен, и детей, и оружия имяху, и ничто же начинали, еже бы во тщету им было. Денег никаких, ниже злата и серебра знали, менами токмо потребности своя исполняли. Ибо, глаголаху, идеже есть в чести злато, тамо желателство, а идеже желателство, тамо сребролюбие, а идеже сребролюбие, тамо прелести, и таковых <людей> удобно серебром одолети.

Не бьяше ничтоже у них добрейшаго паче славы, и их грубому прирождению много даде им природа. Первое, за едино удивление Иустин об них пишет, яко они будуще грубыми без наук, не знали злостей, тако грецы от великих наук исполнени суть невоздержания. Аще бы христианский который народ имел в себе такую мерность, яко они, не точию земля, но и небо любило бы их.

Никогда побеждени бывали, но всюду они побеждаху. Дариа царя перскаго из Скифии изгнаша; и славнаго перскаго самодержца Кира убиша; Александра Великаго гетмана именем Зопириона с воинствы победиша; Бактрианское и Парфиское царство основаша. Никогда же чуждому народу попускаху к себе входить, а своими довольно [кроме греков и индян] всю Асию населиша.

Турки, парфы, персы, венгры, сыкабры от их народу изыдоша. Асию Малую и Великую, вторую и величайшую часть света, мужеством обладаша, и обладаху ею с полторы тысячи лет: наченши от Вексора царя египскаго – даже до веку и государствования Нина царя ассирийскаго. В соседстве и в прилежности с ним всегда жили славяне, прародители наши – москва, россиане и прочие, их же древния историки для общих границ одинако и обще скифами и сарматами называли.

Оному египетскому царю Воксе пригодный ответ учинили; егда велел им себе дань давати, сице отвещали: удивляемся глаголюще тако великому и богатому государю, яко от нас убогих хошет приобрести богатства, идеже их несть никогдаже; пристойнее нам убогим для таковых обещается быти; срамно есть государю великому к нам убогим ездить – приличнее мы убогие к государю будем. И тако прежде, даже царь не уготовился на войну к ним, ускориша нань, и до конца его победиша, и из Африки изгнаша.

Марса хвалили за бога, а за богиню Весту. Солнце, месяц, огонь в великом почтении имели. Хана великаго царя своего, иже зовяшеся Гог и Магог, то есть государь над государи и царь над царми, на свете вельми почитали, и вместо святаго имели, и чтили, и величали. В мужестве же и воинских делех тако искусни, яко не точию сами, но и жены их в великую славу превзыдоша, о них же хошу zde нечто написати.

И дивное дело есть, кому бы те дары и деяния воинская знаменито оказалься приписати имамы, мужем ли, или женам их? Ибо они тако знатныя дела по себе оставили, яко никаким забвением веки наступающиа заперти их возмогоша.

О них же сице история починается. Во едино время несогласия ради некоего из воинства онаго татарскаго изгнани были два знаменитая юноши, Плинос и Солопин, иже изведоша с собою немало иных юношей. И обиташа при границе каппадокийсте<й> над рекою Фермонтою, и обладаша полями темискирийскими в пограничии греков, и оттуду воеваху прочия царства.

Потом собравшись окрестный народы и пришедши безвестно поразиша их до одинаго. Жены же, видевши двое бедствование на себе: из отеческих мест изгнание и мужей своих избиение – прияша на себе оружие мужей своих, луки, сабли, и копия, и прочее, начаша сами оброняться и стрещи пределов своих.

И тако добре онаго краю стрегоша, яко тамо распространишася и царство основаша. И дабы народ их женский не изгибл, совокупляхуся со окрестными народы, и потом с пастырьми своими, в год единою. И аще сын раждашеся им – убиваху его, аще же дочь –

соблюдаху, учаще не писанию, ниже женским художеством, но воинским делам приучаху их. Правыя сосцы им прижигали, дабы стрелянию из лука не чинили помешки; и того ради достоин звані их маммазони, а не амазоны, ибо мамма греческим языком перси называются.

И егда им всюду благополучно повождашеся, яко истинно страхом всему свету быша, избраша ис посреди себе две кралевни, имены Мартесию и Лампеду. Сии поведаху яко от бога Марса уродиша-ся, ему же жертвы, яко и мужие их творяху. Потом обладаша множайшую часть Европы. Бяше сие от Сотворения Света, яко древние историки описуют, около лета 2825-го. Потом основаша Эфес град великий во Греции, такожде иных градов много. Последи, многую корысть от окрестных народов приобретши, возвратишася с пленом в землю свою.

Мартесиа убо остася в Греции обороны ради, но недолго тамо повелителствова, ибо вскоре по отъехании прочих к Термодонтии в поля темирскирийския собрася на них безвестно народ Малыя Азии, Мартесию убиша и воинство ея поразиша. А Лампеда во отечестве умре. На ея место наступила Ортигия, над прирождение женское мужественна. Сия долго в девстве соблюдалашеся и изрядно обиды сестер своих воздаде, ибо неколико лет мужественно и крепко, иде же обращаешася, супостатов побеждала.

По сем в небытность Ортигии Геркулес греческий, согласяся с клеветы своими, пришед на амазоны безвестно и множество их победи и в плен взя. Ортигия, доведавшися о победении сестер своих, с великою жалостию посла к Согеллу царю татарскому, дабы отдал греком возмездие за кровь свою, сице прилагаючи: аще того не учинишь, мы саблями своими греком путь во всю Асию отворим. Подъятся убо Согелл на греки, обаче не сотвори с ними брани некоторый ради предъутверженныя между собою дружбы.

Амазоны обаче составиша брань и мужественно против греков стаха. Всяко же без оных татар помощи принуждени быша уступить. Потом послаша к Согеллу царю, вопрошаючи: «Чего бы ради тако к ним неприятен явился?» Отвеща, яко то ко иному времени оставит умыслил есмь, ибо ныне тому есть потребная причина. И тако Ортигия множество знаменитых воинских дел по себе, паче обычая и крепости женския, оставльши, от сего света отъиде.

Последи сея бысть Пентесилиа, яже во время Троянской брани пришедши в помощь трояном со многим девическим воинством зело мужественно доказовала и брань со греки чрез целый день имела. И потом на кийждо день тако творящи сильна им бяше. Даже сразившися един на един с преславным богатырем Пирром сыном Ахиллесовым, убиена от него бысть, обаче со тщетою ево, ибо Пирр от нея смертно бысть ранен.

О них же Омир во Илиадах и Виргилиус во Ансадах своих сицевыми словесы поминают:

Ведёт амазонка полк неизочтёны,
Месячными же щит цветно облечёны:
Смёл а Пентеслиа, ставя от охоты
Протв мужей дерзновенно девчьи роты.

И живуще бяху тии в преждереченных местех своих даже до царицы своя Тамирис имянем, яже имеючи брань с преславным перским самодержцем Киром – порази его, и самага емши, главу отсеци и в своей его крови омочати повеле, глаголющи: Желал еси кровей человеческих до смерти – пей же свою по смерти!

Во время же властельства Великаго Александра царя македонскаго бяше у них царица имянем Талестра. С ними же Александр Великий войну хотяше начинати. Они же ему отвечаху: Царю Александре! Слава твоя велика есть, но достоин ти блюсти ея, еже бы не изгубити, ибо каковую славу приобрящешь, аще нас, жен сущих, победишь? Аще же мы побе-

дим тя, тако великаго царя, то множае славнейши будем. Царь же сия слышав, остави их в покою. Потом Талестра сама прииде ко Александру со тремясты девиц вооруженных, просящи, дабы от него зачала сына. Александр же почудився ей и собранию ея, держав у себе дванадесать дней, отпусти ю. И тако от него покой приобретоша.

Потом, егда тяжко бысть им от окрестных народов, принуждены быша утещи к татаром помощи ради, мужей оттуду вземлющи. Обаче кто своей воли приобькнет – трудно тому от нея престати. Прилучися убо во едино время, яко от продолженных и далеких войн татарских, десять лет не бяше их в домех. И того ради жены их с пастырьми своими общатися начаша, мняще мужей своих погибших. Егда же приидоша мужие, жены с пастырьми не восхотеша их слушать, даже нуждею и казнию к тому привлечени быша. И от того времени амазонки престаша воевати, егда им мужие роги сотроша.

От сих убо татар монгаилов изыдоша сии татарове, иже суть к нам, савроматом, пришельцы, их же называем крымския, монконския, перекопския, белгородские, очаковские и все те народы, иже обитают около озера Палюсмеотис, то есть Азовскаго моря.

Неции же историки сих татар мнят быти еврейска племене, яко о том Ботер в книгах своих знаменито утверждаючи пишет сице. По разделении царства Иудина Израилева, их же цари быша в Самарии, яко о том явственно в Библии обретається. Последи первых пленов, еже от царей ассирийских на евреев, наступила война Салманасара царя ассирийскаго. Той в два прихода свои, еже на царя Иосию, егда и Самарию взят, разори и опроверже до конца царство Израилево, и народ заведе во Ассирию.

И оттуду в полтораста лет, яко пишет Есдра, убозии жидове, преидоша горы перския и медския, приидоша во страну Арсатер. Где бы сия страна Арсатер обреталася, различно о том списатели домышляются. Неции утверждают, яко то была страна колхийская, яже ныне зовется Мингрелиа, ибо Иродот пишет, яко народ той детей своих обрезывали. Обаче множайшая часть списателей глаголют сице: яко Арсатер страна область есть Белгиана, отнюду же жидове под именем татарским изыдоша лета от воплощения Божия 1200, во время великаго Кингиса, иже утвержаше царство Китайское. И яко тии тогда еще обрезование содержали и нечто иных чинов Моисеева закона, того ради нетрудно прияша закон Махометов. И далее тамо же на листу 152 пишет: Егда повелением Салманасара царя ассирийскаго заведени быша израилтене за Индию, в землю Арсатер, и тамо изродишася во обычаи глупыя и грубыя, и забыша множайшую часть или и обще вся чины Моисеова закона, едва соблюдаху токмо обрезание едино.

Глава 2

*Коих времен и яковаго ради случая татарове от отеческих своих мест
подъемишися, в Европу приидоша; и о брани их с половцы и россианы; и о
разорении градов половецких от татар*

Вину или причину порушения их от своих мест и в сия страны пришествия различно писатели описуют. Первое Ботер полагает сицевую. Егда быша оные татарове под властью государя страны тоя именем Ункама, ему же давали десятину от всех прибытков своих. Егда же во время наступающия тако разплодишася, яко некогда жидове во Египте, яко Ункам нача от них опасение имети. Того ради хотя их умалити и отъяти крепость от них, разсылаше единою тамо, и паки инуде на войны далекия и небезстрашныя. В чем тин подстрегишися – совокупишася вкупе, и советоваша оставити природную страну свою, и сотвориша тако.

Ибо воздвигшися поидоша от отеческих мест своих. И тако удалишася от онаго Укнама, яко к тому не бояхуся его. Ид еж по неколиких летех избраша ис посреди себе царя Хингиса, ему же благочастныя победы и мужество придаша имя Великий. Ибо той изшедши от страны своя лета от воплощения Слова божия 1162 с жестоким воинством покори под себе, ово силою, ово славою, новыя области.

Последи же, егда восхоте у онаго Укнама едину от дочерей его поять себе в жену и не возможе того мирно учинити, начат войну противу его и, во брани победив, государство его прият.

По смерти онаго Хингиса наследники ево в малом времени толико быша страшни всем странам восточным, не менши же и полунощным, с погублением неисчетных народов, яко трепетала от них вся Европа. Егда и Инокентий IV папа римский ужасшися тоя лютыя бури, яже висела над христианы [ибо яко саранча разбегошася даже до Дуная], от собора Лугдунскаго посла мниха Анеелна доминикана со иными мнихи францышканами к великому хану татарскому в лето 1246-го – имяни же его не описуют – наказующи его, дабы принял имя и веру христианскую или бы точию оставил христиан в покое пребывати.

Он же не соизволи имяны и веры христианския прияти, обаче обещася со христианы пять лет в покое пребыти. Нецыи же пишут, яко обратися в веру христианскую и яко воюючи к потребе христианской повеле уморити гладом Мустяцена калифу богдатскаго между богатствы его, их же собра.

Историк же полский Александр Гвагнин, о разных странах пишуци, поведает, яко Алляус царь татарский лета 1250 взят град Суссу, между Персидою и Вавилоном, и тамо града того держателя калифу уморил гладом, замкнув его во единой башне, которая была у того калифы полна злата, и сребра, и вещей драгих, глаголя: «Аще бы ты то сокровище раздал воином, то бы ты, и град, и народ твой в целости могли соблюстися». И сей имать быти царь татарский, к нему же папа посылал послов своих, и калифа Мустацена уморил.

Еще Ботер пишет, яко царь татарский Алляку разлучал со светом калифа Мустацена Мумбйли лета 1255-го. Ин же писатель, Жигму нт Герберштейн, описуя землю татарскую пишет и приводит на свидетельство Мефодиа Патавскаго, иже поведает, яко бысть некто в них муж Гедеон имянем, иже имущи некую ведомость о скончании света и о погублении на нем всех живущих, поведаящи же им сие, и некакими писании утверждаше, и советоваше, дабы о том прежде времени вразумилися и сокровища, и богатства мирския, иже вкупе со светом погибнути имут, ни во что вменили.

На сие они соизволивши, подъяшася со безчисленным множеством народу своего от Татари, от оных каменных гор Каукасийских, и от горы великия Имаус реченныя, и от поль Евтейских, и приидоша ко Индии, идеже царя Индийскаго, ему же служаху, убиша и области

яко ево, тако и инья при реке Ефрат и у моря Перскаго обретающиеся поплениша и опустошиша. И Асию Малую и Великую с великими победами в долготу и широту преидоша. Такожде обе Сарматии, асийскую и европскую, идеже множество царств, княжений и областей, яко христианских, тако и поганских повоевали и ни во что истинно обратили.

В наши же европейския страны пришествие сих незваных гостей знаменовала и яко бы провозвещала великая и необычная комета, являпаяся лета от Сотворения Света 6719, а от воплощения Слова божия 1211, месяца маиа, яже осмьнадесять дней пребысть, на восток Солнца к половцом и ко странам Российским хвост обращаючи.

И аще в хождении ея некоторыя историки и не соглашаются, обаче была явное знамение пришествия тех злых прилежащих нам соседей. Ибо они яко послушни будущи тоя кометы во второе лето по том, то есть 1212, со царем своим Егуханом, его же Гвагнин Батыевым отцом называет, прешедши Волгу реку, идеже она в Каспийское, то есть Хвалинское море под Астараханью впадает, великою силою идяху на запад.

И прежде с половцы, о них же ниже речется, брань составиша, идеже им половцы мужественно отпор давали и воинства их побеждали. На останок же от множества татарскаго в крепости своей ослабеша. И того ради аще и главные супостаты бяху россианом, обаче наглою потребою принуждени будучи, помощи от них против татар просили, разсуждаючи и глаголючи им сице: «Что нам от татаров ныне, то вам будет от них утро».

Того ради россиане, видящи общее бедство, не отрекошася и татарских послов [советующих им, дабы в ту войну не вступали и половцом, вечным своим супостатом, не помогали] чрез законы гражданския, поймав умучили. И вси землю и Чорным морем от Ачакова, также реками Волгою, Доном, Ворсклом, и Днепром, и Богом на помощь половцом поидоша с воинствы.

Князь Мстислав Романович с воинством киевским, князь Мстислав Мстиславич с воинством галичским, князь Владимир Рюрикович с воинством Смоленским и прочие князи российстии: черниговские, переяславские, владимирские, новгородские.

И случившися со всеми воинствы половецкими приидоша на урочище Протолцы и оттуду двенадесятью днями приидоша на реку названную Калку, где уже татарове под наметами своими стояли и не попустивше пришедшим опочинуть, но вскоре свежия на ослабелых и путем утружденных удариша, и побиша и разгнаша половцев первое, потом российския воинства дерзновеннее поразиша и двоих князей – Мстислава киевскаго и князя черниговскаго поимаша, яко Меховский пишет – а Вельской глаголет убили.

Бысть сия брань россианом и половцом с татары лета Христова 1224. Иных же разгнанных [дело истинно тяжкое изречению] сами же изменники половцы, чрез их же землю бегоша, товарищей военных и помощников своих, у конных коней поотымающе, с пеших же одеяния грабяще побиваху, иных же в реках утопляху.

Храбрый же князь Мстислав Мстиславич галицкий, иже победил Коломана краля венгерскаго и поляков, егда прибежал к реке к лодиям своим и превезшися чрез реку, повелел все лодии потопити, и посеци, и попалити, боящися погони татарской, и тако исполнен страха пеш к Галичу прииде. Владимир же Рюрикович князь смоленский такожде здравие свое бегством спасе и к Киеву пришел престол киевский облада.

И ниже множайшая часть полков российских бежаша к лодиям своим доспеша, и узревши их потопленных и пожженных до конца, от печали, и нужды, и глада не могущи чрез реки преити, тамо помроша и погибоша, кроме некоторых князей и воинов, иже на плетеных таволжаных снопах чрез реки преплыша.

На той-то брани между безчисленными российскими воинствы убиени быша славныя богатыри и знаменитыя победоносцы Добрыня Золотой Пояс, и Александр Попович со слугою своим Торопом, и иных славных богатырей российских много.

Татарове же по той победе твердыни, и грады, и селения половецкия до основания разорили. И вся страны около Дону, и моря Меотскаго, и Таврики Херсонския, еже до днесь от прекопання междумория называем Перекопом, и окрест Понта Евксинскаго, то есть Чорнаго моря, татарове обладаша и поседоша. Точию оставаша грады, яже суть в самой Таврике Херсонской, в содержании генуенсов италяен под державою греческих царей. И доньне в оных полях градов, и твердынь, и башен каменных давних, иже италиане генуенсы с половцы в соседстве будучи созидали, старыя падшия стены, паче же у Торговицы и на прочих местех явным свидетельством суть.

Такожде и в полях Мажарских [отнюду же венгры изыдоша] и доньне множество стен, и градов, и твердынь разореных. А гробы свидетельствуют, яко тамо жили некоторые христиане, ибо суть на могилах столпы каменные резные мужей честных во оружиях и кресты малыя на них, обаче некоторые от древности мхом обрастоша и инии же падоша. Отнюду же познати мощно, яко живяху тамо некогда греки, италиане и генуенсы с половцы.

И тако от того времени татарове, народ прежде сего мало нам слышанный, половцев выбивши, нам соседми нелюбезными учинишася.

Глава 3

Яко выя народы во оных странах быша, отнюду же татарове их изгнавши, сами теми странами обладаша

Соглашаются на сие мнози древнии и новейшия историки, яко тамо, то есть по обе страны реки Волги, ниже реки Камы, между Великия Волги и Белья Воложки до большой Нагайской орды [тая мнится быти Заволская орда иностранными названа], живяше народ болгарский, а ниже их по реке Волге, даже до моря Каспийскаго, со ону страну Волги, жили татарове, иже иностранными называлася Заволская орда.

По сей же стране Волги, еже есть вниз идущи по правому берегу, в полях от полунощи к востоку, даже до Дону, и над морем Меотским, еже ныне Азовское называется, и над Понтом Эвксинским, еже ныне Черное море, и в Таврике, идеже ныне Крымская орда, живяху печенежи и половцы.

О начале же сих народов повествуется. Страна, именуемая Болгары, обретающаяся по левой стране реки Волги вниз идущи, аще иностранныи и по обе страны Волги полагают ю, обаче есть на единой стране. Та же есть ниже града Казани, про должаящихся до большой Нагайской орды, яже иностранными Заволская называлася, между реками Великия Волги, и Белья Волошки, и Яиком.

Название свое восприяла от народа, живущаго тамо еще прежде крещения Российския земли, названнаго от реки Волги волгоры или болгары, которыя имели начало свое от преславнаго и многонароднаго народа славенскаго.

Живущи же тамо многа лета и слушавше о некоторых соплемянных своих народах словенских, яко вандалах, цымбрах, готфах, имя свое прославляющих, и в делах воинских цветущих, и победы восприемлющих, елики содеяша они с Римскою монархией, и с цари греческими, и с прочими прилежными соседи, о их же славных воинских делах многия историки пишут, ревнующи тому и болгары воздвигшеся мнози от стран своих и жилищ, ищущи мест прохладнейших и славу обрести хотяще, приидоша первое над Черное море и над Меотское и прежиша тамо немало время в покое.

В лето же от Рождества Христова 420 со князем своим Дербалом подъяшася оттуду и придоша за реку Днестр во область названную Дацью, идеже ныне волохи и мултани, между реками Днестром и Дунаем. Яже тогда бяше под державою Римскою. Отнюду же жителей тамошних даков изгнавши, сами ону страну населиша. И оттуду исходяще Греческое царство пленяху и победы восприимаху, яко о том довольно пишет Стрийковский в выводе народов славенских на листу 98 и далее.

Оставшии же от оных в странах своих соединишася с татарскими народы, живущими близко их. Татарове же, иже назывались Заволская орда, живяху по той же реке Волге ниже болгарских границ даже до моря Каспийскаго. Приидоша ис пустыней, отстоящих к Китайским странам, и начаша жити около великих рек Камы и Яика. И з болгары вышними оставлпимися, яко народом таким же диким, соседства ради единомравнии быша.

Сии вси в российских летописцах назвались нижние болгары, с ними же князь Владимир Святославич, самодержец росский, многи брани имев, покори их и дань наложи. Но обаче множицею от подданства отступоваху, аще и последи от прочих великих князей российских побеждаеми бываху, о чем свидетелствуется в Степенной Российской книге на различных местех.

Иностраннии же историки называют страну ту Заволская орда, яко Гвагнин пишет, глаголя: Орда татар Заволских названа есть от реки Волги, за нею же ю обитали; граничится

та страна от востока морем Хвалиским и прочее. Сия орда бяше некогда славнейшая и сильнейшая паче иных орд, кроме Астраханскаго государства.

А о начале своем те ординцы сице повествуют. Яко во странах тех, отнюду же изыдоша, бяше некая вдова, породы между ими знаменитая. Сия некогда от любодеяния породила сына, имянем Цынгиса, юже первые ее сынове прелюбодейства ради хотеша убити. Она же обрете вину ко оправданию си глаголющи: «Аз от лучей солнечных зачала есмь сына».

И тако той ее сын время от время мужественным возрасте юношею и ту Заволскую орду распространил и умножил, яже множеством жителей, и дел мужественных деянием, и самого краю изобилием едва не все тамошняя орды превосходит. И совершенно от сея вси иныя диких поль жителие народ той производящий мужеством и воинскими делы славу свою размножили.

От сих татар, их же российския летописцы называют болгарами от имяны прежних болгаров живших тамо, приходили к великому князю Владимиру, веру свою махOMETскую похваляючи; от них же последи четыре князя пришедшие в Киев крестишася.

Половцы же и печенези бяше народ военный и мужественный, изшедший от народа готфов и цымбров, от Цыммериа Босфора названных, от них же гепидов, и литву, и прусов старых изшедших явно произведе Стрийковский в начале книг своих, еже и Ваповский свидетелствует. Такожде и Белский, в Деяниях Казимера Перваго, краля полскаго, на листу 239 сице глаголя: Народ печенегов, и половцев, и ятвижев истинныя суть литва, точию имяху между собою в наречии малую разность, яко поляки и россианы; житие имуще в Подлесьи, где ныне Дрогичин.

Сии половцы и печенези, изшедшии оттуду во времена оныя, селения своя от полунощи к востоку наклоняющися над морем Меотским и Понтом Эвксином, такожде около Волги, и около Танаиса, и в Таврике, юже ныне называем Перекопскою ордою, коши своя поставляюще.

Идеже побратовшися, для прилежащаго соседства, и с италианы генуенсы, иже Таврику содержали, которые в те времена сильными на море быша, такожде с волохи и бессарабы. И содеяша грады Манков, Керкель, Крым, Азов, Кафу [юже греки и латинники Феодосиею называли], Килию или Ахилию, Монкаструм или Белград, и Торговицу соделаша.

Зде может быти читателю усумнение, яко един историк во единых местех изъясняет двоих народов жителей, болгаров и половцев, яко о сем выше в сем писании. Еже может тако разуметися, яко той болгарский народ или прежде сих в тех странах жили, а по них на те места половцы и печенези из-за Днепра, идеже Полесье и Дрогичин, приидоша; или, яко пространны суть поля те, оба народа, един в полях, то есть половцы и печенези, а другии, то есть болгары, ближши подле моря жителствовали.

Яко и сам сей историк, то есть Стрийковский, ниже пишет сице. Ибо сами половцы множае в полях под наметы жили, на возах вся своя имения перевозящи, яко ныне татарове, наместницы их, – яко пишет Меховский.

Иныя историки тех половцов называли готфами, еже и истинно есть, ибо егда были в соседстве российским странам, греческим же, и волосским, и полским странам погранични, великия им пакости наездами своими чинили. Ибо чуждими трудами и граблением непрестанно жили.

Паче же со князи российскими величайшия брани составляли. Их же грады бяху не давних времен – то есть лета от Христа 1103-го, и 107-го, и 108-го – Схутен, и блиско Дону Рукан, Суворов, Азов, его же владетель половецкий князь Азуп убиен от князей российских.

Того же 1103-го лета и прозваша их россиане половецями, зане в полях болши пребываху или зане полеванием, то есть ловитвами зверей кормилися, или половецями – то есть грабительми, яко чужим полоном и граблением жили.

Язык же с российским, и с полским, и с волоским смешан имели. Се же тако творящися от тех народов историки мнят от того быти, яко по писанию Птоломеову и Филидиеву обладает над теми странами планета Сатурнус непостоянный, иже по принуждению творит люд мучительный, страшный и жестокий. Того ради истинно тако творящися от половцов народом российским и иным пограничным – яко отвсяду им обиды творяху.

Егда же придоша на них татарове, и яко не в равности им быша, не возмогоща им нашествия возразити. Принуждени быша оным уступит, яко о том выше изъявися, и даже и доньне от оных стран происходят народы жестокия, прилежащия к ним страны нахождении своими пустошающи и разоряющи, по оным словесем пророка Иеремии глаголющи: «От полунощи много зла изыдет на всех обитающих на земли».

ЧАСТЬ 2

Глава 1

О Батые царе татарском; и о пленении его на Московское государство и прочих государств; и о исчезновении его; и о начале и умножении Болишия, или Золотыя Орды

Сего убо мучительнаго народа оный царь Егухан, о нем же выше речеся, бяше поганий идолопоклонник— яко о том пишет Гвагнин— окаянный свою душу извергши, сниде во ад. По нем воста оной безчисленной саранче вождь Земихен, сын его, его же россияне и литва называют Батыем. Сей первый <из> того народа проклятаго Махомета учение прият и распростири.

Предпочивши мало во оных странах, их же облада, изгнал половцов и печенег, с татары же заволскими и з болгары оставшимися, яко с подобными народу своему, совокупися воедино и всеми оными облада. И тако умножися воинственного народу страны оныя.

Окаянный же Батый, видя себе имуща многое воинство, начат дыхати огнедыхателною яростию на народ христианский, хотящи их погубит, и страны оны своими грубыми народы населити, и истребити имя христианское, утвердити же тамо проклятое махометово учение; паче же, Богу попущающу нас смирити за многие грехи наша.

Начат збирати треокаянный крепкое воинство оных кровоядных варваров и собра много зело, его же поведают быти числом до шестисот тысящ. С ним же быша мнози кровопийственныя князи или воеводы полков его, их же имена Кайдан, Магмет, Пета и прочии.

В лето же от Сотворения Света 6745, а от воплощения Слова божия 1237-го воздвигшися и яко молнииная стрела безвестно притече чрез леса к Резанским пределом. И посла ко князем резанским, прося себе послушания и дани. Они же ниже дани дати хотяху, ниже брани сотворити можаху, затворишася во граде.

Нечестивии же пришедше ко граду многим воинством приступивши взяша его декабря в 21 день, идеже князи и вси люди избиени быша и град до основания опустошен. По сем погании поидоша к Коломне.

Великий же князь Юрье Всеволодичь московский, слышав такое бедство и видев себе не могуща брани составити с ними неравности ради множества поганных, отъиде во град Владимир со княгинею и с чады. Старейшаго же сына своего Владимира на Москве остави, заповедав крепце бранитися с погаными.

Воинства же, елико возможе собрати, собрав посла противо татаром. С ними же посла сына своего Всеволода, да князя Романа Инсвороговича, да воеводу Еремиа Глебовича. Тии же шедше к Коломне и тамо учиниша велию брань с погаными. Всяко же от множества их побеждени быша христиане и толико избиени, яко едва сам князь Всеволод в мале дружине убежа во Владимир.

Окаянный же Батый со многим воинством прииде под Москву и облеже ею, начат крепко ратовати. Сущии же во граде христиане много противишася им, биющесе исходя из

града, обаче не могоша отбитися им до конца. Взяха град погани и великаго князя Юрья сына Владимира плениша, а воеводу именем Филиппа Нянка и прочий народ посекоша. И пролияся кровь их яко вода по стогнам града; и град пуст оставльпе отъидоша ко Владимиру граду.

Великий же князь Юрье Всеволодичь со племянники своими, со князи Васильком, и Всеволодом, и Владимиром, оставя во граде сынов своих Всеволода и Мстислава и воеводу Петра Оследюковича с воинством, изыде сам из града, имущи с собою елико возможе собрати воинства.

Татарове же обступиша град февраля в 3 день и поставиша станы своя у Златых врат, инии же отлучишася в разныя места, пленующи землю. В субботу же мясопустную приступивше погани, взяха Владимира первый град. Князи же и людие с епископом Митрофаном бежаша во средний град и в церковь. Погани же и той град вземше, всех мечу предаша и град сожгоша.

По сем шедше взяха около Владимира и Суждаля четырнадцать градов. И потом поидоша к Юрьеву и к Ростову, к Переславлю и ко Снятину, инии же к Кашину, и на Углич, и к Ярославлю, к Костроме и на Городец. И все те грады и иных много селений христианских поплениша и пожгоша даже и до Галича во един месяц февраль.

Толико убо тогда попущением Божиим бедствование бысть на Российскую землю, толико градов прекрасных, и сел, и жилищ христианских разорение и опустение, монастырей и храмов Божиих пожжение, народа же мужеска пола и женска погубление, и дев чистых осквернение и умерщвление, младенческих мягких удес растерзание и попрание – яко некоторый язык изрещи или трость исписати может. И таковая тогда злая пострадаша христиане от поганых, яко николи же таковая быша, отнеле же и населишася тамо российстии народи.

Великий же князь Георгий, или Юрье Всеволодичь, недоумевашеся коим градом помощь подати и христиан оборонити. Ибо в разные места, яко речеся, разидошася погани воевати, ждаше их ко сражению на реце седе, идеже дождався самого нечестиваго Батыя со многим воинством.

Их же виде великий князь нимало ужасеся воинства их, хотя пострадади за веру христианскую и за Отечество свое голову положит. Сидеся с нечестивым и состави брань жесточайшую. Падают трупы убиенных семо и овамо, льется кровь яко вода, яко христианская, не менши и поганская, идеже ужас бе видети дерзновения обоих воинств.

Погани бишася славы и богатств обрести хотяще. Христиане же хотяще оборонити любимое Отечество, дерзновенно в густыя полки поганых впадающе, множество их побиваху. Но убо погани прменяющесе бишася, христиане же едины, и того ради вельми утрудилася, ибо повествуется, яко на единого христианина по сту бьаше поганых.

И к тому уже воинство христианское яростных поражений татарских не возмогши воздержати, елицы ошася неизбиени, плещи вдава бегати начаша; погани же поле обретают, усты меча гонят и в крови христианской рущеси обагриша.

И тако Божиим попущением возмогша погани, воинство христианское, мужественно брань с ними сведшее, до конца победиша. И сам великий князь Георгий Всеволодичь, мужественно с погаными брався, законно пострада за веру христианскую и за свое Отечество, ибо кровоядных руками убиен бысть, с ним и инии мнози князи и мужие храбрии.

Князя же Василка ростовскаго жива яша погани и приведши во страны своя начаша прежде ласкателными словесы увещавати, приводящи к своему зловерию. Бьаше бо зело благолепен и возрастом исполнен. И яко не внимаше прелести их, начаша муками претити ему. Егда же обретоша его всеконечно непокаряющася им, но словесы премудрыми прелесть их обличающа, умучиша до смерти; и тако прият победы венец прекрасный.

По сем окаянный Батый с воинствы своими иде к Новгородским странам и пришед ко граду Торжку приступом взят его и люди вся исече. И оттуду восхоте пойти к Новуграду

Великому, но возбранен, глаголют, от пути того грозным воеводою – архистратигом небесных сил Михаилом.

И егда уже в Великой России всюду пусто бысть, возврати шествие свое пустошенными Российскими странами на Северную страну к Малой России и прииде ко граду Козелцу. [О котором убо Козелцу старья летописцы московския пишут, не вемы: о том ли, иже обретается от града Калуги в пятидесяти верстах, его же ныне, мало отменивши слово, Козелском называют, или о том, иже в Малой России от Киева в шестидесяти верстах, его же и ныне Козелцом называют?]

Жители же его обещахася вси пострадати за веру христианскую, и бихася с татары семь недель, и убиша их четыре тысящи, и три князя честных, детей темничевых. Обаче погании взяша град и людей всех, внеде в него, оружие предаша. И отъидоша мало нечто погании во страны своя.

Потом паки на другое лето посла Батый воинство свое на Российския прилежащая страны. И взяша тогда погании град Переаславль. Инии же обступиша град Чернигов, ид еже князь Мстислав Глебович пришед на них с воинством и бысть им с погаными презелная брань, обаче побежден бысть; и град взяша погании, и разоривше и пожгоша его отъидоша паки.

Потом лета 1242-го посла окаянный Батый воеводу своего Магмета, или Менгата, имянем соглядати града Киева, идеже видево его красоту и величество, пришед, похвали нечестивому. Он же посла послов своих в Киев к великому князю Михаилу Всеволодичу и ко гражданином, хотя прелстити их. Великий же князь послов побити повеле и сам со всеми своими убеже в венгры.

Окаянный же Батый паки собрав многое воинство прииде к Киеву, идеже бяше тогда воевода имянем Димитрий оставлен от князя Даниила Мстиславича, иже последи князя Михаила Всеволодича, убегаго во угры, облада Киевом. Проклятый же Батый с силою многою обступи Киев и начат приступы строити и бити в стены градския.

Людие же из града крепко бранихася, а потом окрест церкви десятины пресвятыя Богородицы окопашася, егда град взяша погании. И на палаты церковныя множество народа въздоша, яко от тягости их падоша полаты оныя и многих побиша.

И тако погании всеа России стольной град Киев взяша, церкви Божии разориша, а град и селение огнем попалиша, людей единых изсекоша, а иных плениша, и все государство Киевское в ничто обратила.

Потом нечестивый Батый, не удоволився толикими безчисленными христианскими кровьми, яко кровопийственный зверь дыша убийством христиан верных, оттуду со многими воинствы иде в Венгерскую землю, идеже бысть ему брань с царем Коломаном. Но и тии такожде побеждени быша от поганных и бежаша, по них же гнаша нечестивии даже до реки Дуная, пленующы страны оныя.

А прежде сего разделихася погании на три части. Сие их деление было лета 6749, а от Рождества Христова 1241. Сему согласно пишут летописцы полския – Кромер, Длугош, Меховский, яко тии татарове с цари своими Батыем и Кайданом, побивши князей российских, в Полшу приидоша от Российских стран в лето от Христа 1241-го.

В первой сам иде к Венгерским странам, вторую с царем Кайдоном послал в Великую Полшу, третью часть с Петою гетманом в Малую Полшу, яко о том пишет летописец полский Александр Гвагнин в Кронице полской. Глаголет бо: во время государствения в Полше Болеслава Пудика, то есть Стыдливаго [его же кралевства начало пишет он лета от Христа 1243-го, и по сему свидетелству прибыло два лета приходу татарскому; обаче не довлеет един он в свидетелство против трех вышеименованных старых летописцев], бысть страшно жестокое пришествие татарское в Полшу чрез Российския страны, иже многу

корысть побравши около Люблина и Завихвостия отослаша ю к своим, а сами обратишася к Сандомиру, и взяша посад и град, и множество людей побиша, иже тамо запрошася.

Оттуду обратишася ко Кракову и много корыстей взяша у Вислицы и Скармра и с тою идяху к Российским странам, идеже у реки Чорныя приспе на них Владимир воевода Краковский с собранною дружиною, обаче не приобрете ничтоже, ибо мало воинства имяше, точию пленников множество убегоша от поганых.

Тии же нечестивии разсвирепивши поидоша к России, иже с прочими сшедшеся паки в великом счислении приидоша в Полшу и у Сендомира надвое разделяшася. Большая часть с Кейданом гетманом поидоша в Великую Полшу, другия полки немалыя с гетманом Петою поидоша в Малую Полшу, иже без всякаго противления всюду пленяху.

И аще где и исхождаше противо им полскаго воинства, обаче везде побеждаеми бываху от величества неравнаго себе. Краль же Болеслав слышав сия с матерью и со женою отбеже на горы Пенинские. Татарове же грады Краков и Вроцлав разоривше и попаливше снисдошася с Кайдоном и прочими татары.

На них же князь Гендрик маркграф моравский совокупи окрестных князей с воинствы от немец, и от прус, и от Полши, их же урядив на четыре полки: в первом были крыжаки с немцы, во втором поляки, в третьем полку прусы, четвертое войско было наилучшее слезаков и великополян, их же управлял сам Гендрик. Такжеде и татарское воинство начетверо быше разделено, но едино татарское множае было, нежели все полский.

И тамо на изрядном месте битву учинили. Первое крыжаки, иже были от немец, удариша на татар, но тако сотрени быша от них, яко сеяния от великаго граду. Потом прусы со слезаки: сии в них упадок немалой учинили. Междо ими же бысть вождь Мечислав Ополский, иже убеже ис полков с немалым воинством, егда услышал создади татарина кричаща: «Бегайте, бегайте!» Гендрик, узревши то, воздохнув, рече: «Горе нам стало».

Четвертое величайшее воинство татарское опровержеся на воинство Гендриково, и вси купно мужественно бишася. Но егда узреша татарина выбежавша со знаменем, на нем же таково знамя было: Х, – и на верху того глава с великою брадою трясущеюся и дым скаредный съмрадный из уст пуцающа на поляки, от чего вси изумевшися ужасошася, и нагло бегать начаша кто как может, и тако побеждени быша.

Убиени на той брани от татар начальный вождь воинства того Гендрик марграф маравский, и прочии мнози честнии воеводы, и воинство. И толикую победу в то время татарове восприяша, яко над поляки и прусы, тако и над немцы, яко девять мехов великих ушей нарезахаша от биенных, по единому от коегождо режуще, еже учиниша того ради, дабы могли ведать число побиенных.

Потом погании всюду без отпору пленующи, чрез Шленск поидоша в Мораву и пустошающи земли до венгров проидоша, идеже с царем своим Батыем сшедшеся три лета тамо пребыша. Поделившеся опустошенными государствами и изъядши всякие живности, возвратишася в страны своя.

По таком убо умиленном земель христианских спустошению, окаянный Батый по всем градом учинил своих властелей, их же называху баскаки, яко бы атаманы или старосты, иже всегда от оставльшихся христиан дань собирали и по изволению своему россианом христианом судили и повелевали.

Князем же российским, елицы убийства гонзнуша, повеле нечестивый к себе приити и поклонятися. И таким понуждением вси от предел своих поидоша во Орду ко оному мучителю. Он же прежде повелевши волхвом своим учинити два огня велики, и оным князем сквозь огонь той проходить, и от приносимых ему даров часть некую во огонь ввергати, и прошед огонь поклонятися Солнцу и кусту; и потом к себе таким приходити поущаше.

И тако начася сие тяжкое и неудобоподъятное ярмо великим князем российским и прочим жителем народов христианских от лета по Сотворении Света 6750-го, а от воплощения Слова Божия 1241-го.

Паки последи лета 6756-го безбожный Батый, недоволен бысть толикими множествами побиенных христиан и пролитием кровей их, творит шествие к западным странам, в Венгерскую землю, идеже не бысть первое поганец. И шед тамо прият твердыни и грады многия, их же до основания попустоши и люди вся исече.

Прииде потом под град Варадин, иже есть среди земли Венгерский, отвсюду крепко утвержден стенами каменными и водами многими. Краль же бысть тогда у них Владислав имянем, иже недоволен бе собратися с воинствы против поганых, возшед на столп высокий, зряще со слезами земель своих пустошение, к тому и сестра его бежащи во град впаде в руце нечестиваго. И се бысть кралю явление таково со гласом: «Царю, слез ради твоих дает ти Бог победита сего супостата!»

Он же сошед со столпа виде коня оседлана стояща никем же держима, и секира на нем. На него же краль седе, со обретшимися во граде воины устремися на поганых, на них же нападе страх и побегоша от града. Краль же Владислав догнав самаго Батыя начат с ним битися и одолеваше нечестиваго. Сестра же кралева помогаше Батыеву на брата своего, их же краль обоих оную секирою смерти предаде.

Бысть сия лет 6756-го, а от Рождества Христова 1248-го. И тако сниде нечестивый во Ад, и память его погибе с шумом. Воинство же его все до конца погибе, едва мало нечто во Орду возвратися.

По той же победе венгры на память того явления слияша от меди кралев образ сидящ на коне, секиру в руце держаша, и поставиша на столпе оном.

Той же летописец Гвагнин на ином месте пишет, яко во время Батыева пленения был в венгрех краль Белля, четвертый тем имянем, иже ничтоже памяти достойное по себе остави и от Батыя со всем домом утече в Далматию, а татарове три лета тамо пребыша, донеле же от глада сами изгнани быша, ибо не бяше кому орания и сеяния делати. Аще же Белля и собрася с воинством, но ничтоже успе, ибо прежде сами отъидоша.

И тако от того времени обладаша нечестивии татарове странами оными, яже назывались Болгары и Заволская орда, и по обе страны реки Волги, от града Казани, его же еще не бяше тогда, и до реки Яика, и до моря Хвалисскаго. И тамо населишася и созда грады многи, яже назывались: Болгары, Былымат, Кумань, Корсунь, Тура, Казань, Ареск, Гормир, Арнач, Сарай великий, Чалдай, Астарахань.

И начат зватися область их Великая орда, или, яко Московския народы называли, Золотая орда, иже мнится того ради, яко тии татарове в пленении вышереченных стран граблением чуждих сокровищ, и обладаючи многими странами дани с них вземлющи, зело обогатишася, и дома великия, и палаты многия, паче же в Сараи цари их соделаша. Грады же тии повествуются соделаны быти художники и работники, вземлемыми от российских стран, егда имяху под властью своею князей российских.

И от тех времен царство тамо основася. И цари их начаша жити в Сарае великом [его же Ботер поведает быти на реке Яике] и в Болгарех, иже блиско реки Волги, идеже обретаются полаты многия обетшавшия и донныне явным того свидетелством.

Таже обладаша и всеми полями дикими от Волги даже до Днепра, и чрез Днепр пришедши даже до Дуная. В Таврике же Херсонской за Перекопом по градом пристанищным, яко: во Азове, в Кафе, Керчи, в Херсоне или Корсуну и по иным градом, которые тогда были, живяху италиане генуенсы под властью царей греческих, с татары, живущими в полях блиско Перекопу, мир имеючи.

Ибо тии небрегоша о градех крепких и в местех тесных не живяху, но в полях житие свое провождали, с начальными своими под властью царей татарских, наследников Батыевых, иже владели Большою ордою.

Глава 2

О царех, бывших в Великой орде по Батые, и о Темир-Аксаке

По смерти онаго бича христианскаго, злочестиваго Батыя, бысть во Орде царь сын ево, Сартак имянем – яко свидетельствует в книге Степенной российской и Синописис киевской – к нему же ходил во Орду великий князь Александр Ярославич, рекомый Невский. Той злочестивый царь, еще великому князю во Орде у него будущу, посла воеводу своего Неврюя со многими татарами. Они же шедше плениша землю Суждалскую.

И толико обладаша нечестивии странами Российскими, яко лет 6769-го повелением царя приидоша во страны Российския численницы его и изочтоша весь народ российский дани ради. И учиниша во градах своя тысящники и сотники, иже баскаки назывались, о них же выше речеся. Которых мучительства российстии князи не возмогоша терпети, но лета 6770-го, совет сотворши, повелеша по всем градом побити баскаков оных татарских, точию тех свободящих, елицы изволиша прияти христианскую веру. Обаче еще не могоша тем свободитися ига татарскаго, яко о том ниже изъяснится.

Лета 6770-го умре царь Сартак сын Батыев, по нем же облада Ордою царь имянем Беркай. Сей злочестивый приела послов своих к великому князю Александру Ярославичу, понуждаючи его и прочих князей российских с воинствы их ходити на войну с собою.

О чесом сжалился великий князь Александр, паки поиде во Орду к царю Беркаю, яко о том Степенная пишет, и упрости царя, да не будет такая нужда христианом. И оттуду великий князь Александр Ярославич шествуя, умре на Городце лета 6771-го.

Потом умершу стому злочестивому Беркаю, бысть во Орде царь имянем Менгутемир, иже лета 6778-го повеле умучити во Орде великаго князя Романа Олговича резанскаго, яко Степенная являет.

По сем бысть царь во Орде имянем Нагой, и лета 6790-го присылал рать свою с мурзами Туратемирем и Алысном на великаго князя Димитрия Алаксандровича. Сего и Стрийковский во своей Кронике объявляет, бывши войною в Полских странах лета от Христа 1288-го, от Сотворения Света 6796-го.

Сей царь имать быти, его же дщерь бяше за великим князем Феодором Ростиславичем смоленским и ярославским, иже даде ему в приданные города свои: Болгары, Кумань, Корсунь, Туру и еще Ареск, Гормир, Болымат, иже является сице. Ибо преставися великий князь Феодор Ростиславич 6807-го лета, еже Степенная являет. И яко прежде девяти лет пришествия на Россию Кавгадыева с великим князем Юрьем Даниловичем на великаго князя Михаила Тверскаго, еже бысть 6823-го лета, бысть во Орде ин царь имянем Азбяк. И посему умре царь Нагой 6815-го лета.

По сем того же лета бысть царь во Орде имянем Азбяк или Азбек, к нему же ходил во Орду великий князь Юрье Данилович лет 6826-го. Сего Азбека Стрийковский называет сыном Батыевым, такожде и Гвагнин, о татарех пишуци; но несть тако, ибо по смерти Батыеве до 6815-го лет, в ней же начат владети Азбяк, имать сочестися 59 лет. И по сему свидетельству несть той сын Батыев. В Степенной является, яко се злочестивый первый престелника Махомета учение прият.

По сем бысть во Орде царь имянем Занибек или Жанибек, сын Азбяков, яко пишет в Степенной, степень 11, глава 6, такожде и Стрийковский. К сему царю лет 6808-го ходил во Орду великий князь Симеон Иванович и московской митрополит Феогнаст, иже пострада за наложение дани на святых церкви.

Сей в начале царства своего, хотением властельства возбужденный, дабы мог без препятия царствовать, братию своих родных побита повеле; и властельство свое крепко в Российских странах разшири; о чем Стрийковский пишет.

При властельстве сего царя лет 6856-го, во отмщение пролитыя крове христианския от нечестивых татар, попусциением Божиим, бысть на них мор велик во градах их и жилищах безбожных в Сарае, и Чаадае, и во Арначи, и Астарахани, и во всей Орде оной. И сего ради побегоша отгуду мнози татарове в поля дикия, и наипаче умножишася около Дону и Днепра, и в Перекопи жити начинаху.

Сей царь Занибек взят царство Тавризское, яко пишут летописцы российскийя, лета 6865-го. Сие Тавризское царство может быти область лежащая за Астараханью, между морей Хвалийского и Понта Эвксинскаго, юже Ботер называет область Георгиана, в ней же городы: Томань, Тевриз, и Тефлис, и иные. Названа та область того ради тако, зане жителие ея велию веру имеют ко святому мученику Георгию, ибо христиане суть, и имеют своего митрополита, под областью константинопольскаго патриарха.

При сем царе бысть во Орде святой Алексий митрополит по прошению ево, и царицу ево имянем Тандулу от слепоты молитвою исцели, яко о том в житии святаго. Того же лета по взятии Тевризе бысть мятеж велий во Орде, ибо царь Занибек от сына своего Бердебек, советом ординских князей, убиен бысть, а Бердебек облада Ордою.

И тако бысть царь во Орде Бердебек, иже идущи следом отца своего такожде двенадцати, братьев своих родных побита повеле, дабы безстрашно властвовал. Бяше бо лют зело и немилостив, обаче и сам не продолжися властвуя, ибо точию два лета прежив на царстве исчезе, яко Степенная являет.

Ибо убиен бысть от царя Кулпа лета 6867-го, и с советником своим злым Тулубием, еже и Стрийковский подтверждает, пишуци, яко Бердебек убиен бысть от Аскулпа или Акулпа царя, его же Стрийковский называет сыном Бердебекыным. Но и той Акулпа царь точию един месяц царствова, потом убиен бысть со всеми детьми своими от некоего царя Наруса.

И бысть той Нарус царь, и облада ордами. К сему царю Нарусу, яко пишет Гвагнин, съехашася вси князи российстии и упросиша у него, еже сами во княжениях своих без их начальников татарских княжити начаша. Обаче и той Нарус едва едино лето власти насладися, убиен бысть во Орде от царя заяицкаго именем Хидырай, такожде и сын того Наруса, и царица Тайдула от того ж Хидыря избиени быша лета 6868-го.

И бысть той царь Хидырь во Орде, но и той точию название царское стяжа, власти же едва употреби, ибо от сына своего именем Темироссы лестию убиен бысть.

Но и той царь Темиросса на властельстве зло приобретенном едва седмьдней преживе [ибо власти зле приобретенныя недолго обыкоша пребывати], ибо от князя некоего, имянем Мамай темника названнаго, изгнан и в бегстве убиен бысть. А князь Мамай с царем Овдулом со мною силою преиде за Волгу на нагорную сторону.

Во Орде же воста ин царь, имянем Килдибек, иже называшеся сыном Занибековым, а внуком Азбековым. И той такожде многих побив сам убиен бысть. В Сарай же тогда царь бысть Амурат имянем, брат преждереченнаго царя Хидыря.

И тако сих злочестивых держава после царя Занибека в четырех точию летех разорися. В сих летех татарове Крымския и Перекопския все поля дикия, пространно за Киевом обретающияся, и Подолие прилежащие к Литовской области держали. И в тех странах баскаки или атаманы над россианы власть имели, иже дань с них збирали и по своей воли россиан яко подданных судили. И частыми приходы на Литовския страны великия пакости чинили литовскому князю Олгерду.

Того ради лета от Христа 1333, имать быти 1361-го [ибо Стрийковский пишет сего князя Олгерда имуща брань с великим князем московским Димитрием Ивановичем лета 1332, его же государство началось по известным российским летописцем лет 1362-

го], той литовский князь Олгерд во оныя времена, егда цари татарския быша в великом междоусобии и убийствах, советовав и совокупяся с племенники своими князьями литовскими, собрав многое воинство иде на поганых.

И прошед грады Черкасы и Канев прииде на урочище, реченное Синяя Вода, идеже река Бог в море впадает, обрете орды татар, кочующих тамо с тремя цариками, натрое разделенных: первый Кутлубах-солтан, второй Качибирей-солтан, третий Диментер-солтан. И бысть с ними князю Олгерду презелная брань, идеже мнози татарове избиени быша и оныя царики их таможе падоша.

И от того времени все поля, яже от Путивля к Киеву, и до усть Дону, и на другую страну Днепра даже до Ачакова от татар свободишася [ибо тамо, яко ныне в Перекопи, живяху татарове]. Ипрогнаша их к реке Волге, иных к Кафе, и ко Азову, и в Крым за самую Перекопю.

И от сего времени наипаче татарове умножахуся за Перекопом, обаче царей особных не имяху даже до царя Эдигеа, иже бысть товарищ Темир-Аксаку – о них же мало последи положится повесть.

В Великой же Орде за Волгою по убийствах вышечисленных царей татарских в лето 6869-го, а от Рождества Христова 1361-го, бысть царь Мамай темник печенный. В сих летех, то есть 6870-го, прият скипетродержание Московского государства великий князь Димитрий Иванович, иже слышав о таковых несогласиях царей Ординских и убийствах их междо собою, мужеством же, и разумом, и властью многих прежде себе бывших превзыде, и тяжко си вмени под властью оных поганцов быти, и во Орду к ним ходити, и княжению указ или начало взимати – не посла к тому Мамаю даров обыкновенных, ниже присланных от него слушати хотяше.

Сим поганый царь възъярен будучи, посла на великаго князя многия своя воинства, иже лета 6887-го от великаго князя у реки Вожи побеждени быша.

От сего наипаче наполнися проклятый срама и ярости, собрався со безчисленными воинствы, их же до седмисот тысящей поведают быти, на другое лето по том, то есть 6888-е, поиде с великою гордостью, яряся на православие, хотя до конца опустошити Российское государство; ему же помощник бысть князь Олег Рязанский.

Сия услышав великий князь Димитрий Иванович ни мало ужасеся, но положи упование свое в Бозе, собра воинство велие, его же сочтесе сто седмьдесят тысящей; к тому приидоша ему в помощь князь Андрей Олгердович Полоцкой и брат ево князь Димитрей Брянской, такожде великоновгородцы и псковичи. И бысть ему всего воинства до трехсот тысящей.

И тако со всеми силами изыде противу поганыхи сретесе с ними за Доном рекою, и состави жесточайшую брань, идеже погании до конца побеждени быша, яко трупия их на четырехдесятих верстах лежало. Едва сам нечестивый убежа с величайшим срамом не во мнозе, яко о сем свидетельствуется в Синописе печатном Киево-Печерском.

Славна убо сия победа на татар бысть не токмо в Российских странах, но и во окрестных государствах, яко свидетельствует Жигмунт Герберштейн [муж земли Цесарския, бывый не единою послом великим в Москве от цесаря Римскаго Максимилиана], в книге своей пишущи о Московском государстве, и кроникарь польский Матфей Стрийковский глаголет, яко трупов татарских на шестидесяти пяти верстах лежало.

По таковой же победе паки окаянный Мамай, не могий срама того терпети, нача воинство совокупляти, хотящи ити в Московское государство. Обаче не попусти Бог тому нечестивцу озлобити достояние свое. Пришед бо некто из далние Орды царь именем Тактамыш и победи Мамай, ему же и вси князи Мамаевы приложишася.

Окаянный же Мамай с четырьмя князи своими забеже от великаго страха до града стоящаго над морем – Кафы – идеже имя свое утаи. Но вскоре познанный убиен бысть от фряк и яко злый, зле погибе.

И тако бысть во Орде той царь Тактамыш. Сей злочестивый лета 6890-го посла в Болгары татар своих, повеле избити купцов, яже тогда прилучишася тамо от Московскаго государства, того ради, дабы безвестно возмогл приити к Москве с татары.

И собрався окаянный со многими воинствы, превезеся чрез Волгу в ладиях купецких, их же побил на Волге, поиде к Российским пределом. Князь же резанский Олег обведе их мимо Резанскую землю и броды им на реке Оке указа.

Великий же князь Димитрей Иванович, слыша таковая, зле оскорбе, отъиде на Кострому. Царь же пришед в Москву взял град лестию августа в 26 день идеже окаянный многое кровопролитие учини, церкви и иконы обруга, и град пожже, и презелно разори, и кончащи победу татар распустил в загоны, которых побил под Волоком великий князь Владимир Андреевич.

Царь же, слышав сие, отъиде во Орду, а великий князь Димитрей Иванович возвратися к Москве, иже виде пленение и опустошение отечества своего презелно скорбяше, ибо тогда двадесять пять тысящей избиенных христиан обретеса.

Но обаче вскоре по сих и сам окаянный Тактамыш изгнан бысть от царства от Темир-Аксака царя и прибеже помощи ради в Литву к великому князю литовскому Витофту, яко о сем Стрийковский. А в Великой Орде и в прочих татарских странах начат прославлятися оный царь Темир-Аксак.

О нем же может неленостный благохотный читатель летописцев обрести довольную повесть, яко он будуще худородный и злодей, воинских ради дел великою славою прослы и страхом всему свету бысть.

Первое бо все татарския орды поплени и подручны себе сотвори, и Великую Орду, идеже Сарай великий и Чагадай, облада. Царь же ординский Тактамыш, не возмогши противу ему стати, убежа в Литву ко князю литовскому Витофту.

Темир-Аксак же поганый помышляше оттуду на Российския страны, пленити их. И прииде к Резанским пределом лета 6903-го, но не попусти Бог сему нечестивому погубит люди своя. Ибо страхом Богоматере утрашен быв возвратися во Орду и простре войну на восточныя страны.

И тамо искони вечною и славною Персидскою монархией облада, и турецкаго султана Баозита, обстояща царствующий Константинополь лет 6905-го порази, идеже до двоусот тысяч турецкаго воинства избиено бысть и сам Баозит пойман, его же в железной клетке на золотой цепи Темир-Аксак во знамение победы вождаше с собою и на конь всегда с той клетки саждашеся.

Потом прият Египет, и Дамаск, и Вавилон, и Сирию, и Медию, Армению же, и Вифинию, и Каппадокию, Понт, и всю Малую Асию, и некое царство, стоящее у моря и каменных ради гор едину стезю вшествия имущее – но и тамо столп тверд и врата железна быша – прият; где бы сие царство обрестися могло, о том у Ботера, описателя всего света, поискати нужно.

Изъявляет бо той страну некую, названную Серуана или Сервана, недалеко Каспийскаго моря, во время его описания бывшу под областью перскаго царя. Ея же начальные города Шамаха, Исрес и Дербент, который стоит над враты горы Кауказу у единого теснаго пути между двема горами, огражден двема стенами, иже протягаются: до моря единая стена, а другая – на триста сажен; на них же суть врата железна, их же не мочно минута идуци из Серуаны в Тартарию великую или оттуду тамо.

И тамо приходили татарове в Каппадокию с цари своими Талионом и Багом, потом с Темерляном [иже есть сей Темир-Аксак]; сию ныне обще Медию называют. Яковым же ухищрением ту крепость той нечестивый облада, летописцы российския о том изъявляют. Сего всесветнаго страшила летописцы называли Темир-Кутлуем, а татарове Темир-Кутлу, то есть Счастлиное Железо, латинския же списатели называли его лютым Темерланом, якоже и

непрелстишася в том, ибо той в пленении вышеписанных государств и взятии недобытных крепостей и градов сице творяше. Егда к которому граду приходяше, хотяши его добывати, первый день поставляше намет белый, дающи знати, аще добровольно поддадутся ему, то живых оных при богатствах их оставити имать. На другой день пославляше намет багряный или красный, дающи знати, егда их бранию одолеет, тогда крови много пролиятися имать. На третий день поставляюще намет черный, являющи, яко по взятии града ни единого живити имать.

Воинства с собою всегда имяше тысяща тысящей и двести тысяч. Тогда же и литовской князь Витолд, уповая славе и щастию своему, восхоте изгнаннаго Тахтамышша, согнав Темир-Аксака, утвердити на царстве Ординском, собрався со многим воинством литовским и российским и с царем Тахтамышем поидоша на Темир-Аксака.

И пришедше на реку Ворскл, обретоша множество татар на полях стоящих с царем Эдегою, его же полския летописцы называют товарищем Темир-Аксаковым. И бысть Витолду с татары тамо презельная сеча, идеже многое литовское и российское воинство со многими князми и мужи честнейшими побиено бысть. Едва Витолд с царем Тахтамышем не во мнозе дружине убегоша в Литву.

Бысть сия брань литве с татары лета 6907-го, а от Рождества Христова 1399. Окаянный же Темир-Аксак вскоре после сея брани начат собирати воинство, хотяше ити на пустошение Российских стран, идеже в некоторых странах татарских озиме и тамо многое ево воинство от мразов лютых изомроша.

Тамо же и сам нечестивый зле скверную свою душу изверже лета 6908-го. Тело же его скверное отвезено и погребено бысть в земли татарской, ю же Ботер называет Загадай, во граде Самаркандии, который Гвагнин называет столицею всех градов татарских.

По смерти же его воинство его разыдесе кийждо в страны своя. А помянутый товарищ его Эдега отлучися оттуду с Крымскою ордою, иже под его правлением во время Тимир-Аксаково бяше, и пришед в Таврику за Перекоп укрепися тамо.

И от сего времени начат умножатися и славитися Перекопская, то есть Крымская орда, и царей нача своих оттуду имети. О них же последи описания Болшия орды царей объявлено будет. Болшая же орда начат умялятися и к падению наклонятися, яко и конечно повоевана и опустошена бысть от московских великих государей.

Глава 3

О царех бывших по Темир-Аксаце во Орде и о опустошении ея от московских великих государей

По смерти онаго всесветнаго страшила, Темир-Аксака глаголю, паки нача владети во Орде царь Тахтамыш, пришед из Литвы. Лет 6914 воста царь во Орде именем Жанибек, от него же паки Тахтамыш побежа из царства. И тако той проклятый пустошитель царствующаго града Москвы и христианский губитель, сам множицею бегая, убиен бысть в бегстве в земли Сибирской, а Жанибек облада Ордою.

Таже и сам недолго царствовал, изгнан бысть от царя некоего, именем Булат-Салтана. И бысть царь во Орде Булат-Салтан, или Зелед-Салтан, сын Тахтамыш, а Стрийковский называет его салтан Зеледин, иже изгнав Жанибека облада Ордою мало после вышеписаннаго лета.

Сей царь велию дружбу имяше с королем польским Ягеллом и с князем литовским Витолдом и многую помощь даваше им против крыжаков немецких, посылаючи татар своих в помощь полякам и литве. Иные поведаяют яко и сам на брани против крыжаков будучи убиен бысть от них.

После его остахася три сына: Бетсубуль, его же татарове Тактамышем называли, другой Керембердей, третий Яремфердей. И облада по отце своем средний сын его Керембердей, изгнав братьев своих лета 6926-го, от Рождества Христова 1418.

Тахтамыш же побежа в Литву ко князю Витолду, яко к приятелю отца своего, дабы помог ему доступати отцовы власти. Витолд же учинил его царем в Вилне, дав ему одежду злату и шапку и посла с ним много воинства литовскаго и татар литовских. Он же шед, сотвори брань с Керембердеем, обаче побежден и сам убиен бысть от него.

Брат же Тахтамышев Эрмфердей, избыв от смерти, прибежал паки к Витолду. Его же Витолд посла на брата его, придав ему гетмана Радивила с воинством в помощь. Иже пришедше на Волгу учиниша бой, идеже Керембердей с воинством поражен бысть, потом и сам пойман и от брата убиен.

И Эрмфердей облада Ордою и бысть Витолду великий друг и приятель. В российских же летописцах не обретается о сих царех, но пишут, яко последи Селед-Салтана, или Булат-Салтана, или яко Стрийковский называет его Зеледин-Салтан, сына Тахтамышева, лет 6929-го бысть во Орде царь именем Улумахмет сын Зелед-Салтанов; а в Степенной имя Махмет.

Сего царя лета 6939-го изгна из Золотыя орды пришед из-за Яика князь некий именем Эдигей. У него же бяше тридесят сынов от девяти жен рожденных, от них же и меньший имяше до десяти тысящей воинства. И изгна царя и с царицами отуду.

Он же, убежав, прешед Волгу и скиташеся в полях на различных местех. И пришед блиско пределов Российских посла с молением к великому князю Василью Васильевичу московскому, да повелит ему жити в странах своих, дондеже соберется с воинствы и отмстит князю Эдигею.

Великий же князь повеле ему кочевати в Белевских местех. Зане сей царь, еще во Орде будучи, имяше любовь к великому князю, и на княжении утверди его, и выходов во всю свою десять лет, отнюду же царем бысть, не взимаше. Потом великий князь начат размышляти и опасения от того внутреннего врага Улумахмета имети, дабы не учинил каким лукавством тщеты областем Российским.

И посла на него воинство свое с братию своею со князем Дмитрием Шемякою да со князем Дмитрием Красным Юрьевичи. Такожде рязанские и тферские князи послаша воинство. И бысть всего воинства до четыредесяти тысящей.

Иже пришедше послаша к царю, да изыдет из пределов Российских. Царь же моляше их, дабы оставили его в покое, обещаваясь никогда с ними вражды творити. Тии же не вняша молению цареву поидоша на него бранию.

Он же затворися со своими в ледяном своем граде, его же тоя зимы в прибежище себе учинил бяше. Воинства же и всего с ним едва до трех тысящей было, из них же едва тысяща вооруженных обреталася. И тако российскийя воинства нападоша нань.

Он же немного бився во граде, изыде из него со своими на брань. И тако бысть жестокая битва, идеже Божиим гневом побеждени и одолени быша российскийя воинства от поганных, яко от четьредесяти тысящей токмо братии княжеския и пять воевод не со многими спасошася. Бысть же сия брань лета 6946-го декабря в пятый день.

И по брани той возможе злочестивый, и богатства зело исполнися, и поиде чрез Волгу, и прииде ко граду Казани, и основа и обнови его, и царствова в нем, яко о том будет при описании царей казанских.

Летописец же полский Стрийковский пишуци обновляет заволскаго царя Шахмата, бывша войною в Полше на Подолие, лета от Рождества Христова 1438-го, а от Сотворения Света 6946-го, еже той же Улумахмет бысть.

По сем по трех летех, еже имать быти 6949-его, той же злочестивый царь Улумахмет со многими татары прииде ратию к Москве. Великий же князь, мало видев своих, отыде за Волгу, а на Москве остави воевод: князя Юрья Патрекеевича со иными некими. Царь же пришед стояше десять дней и ничтоже успев возвратися во Орду.

По том лета 6953-го той же царь Улумахмет приходил с татары к Мурому. И потом дети его Момотек да Егуп приходили изгоном тайно на великого князя Василиа Васильевича московскаго. И бысть ему с ними бой под Суздадем, идеже воинство Российское побиено бысть, а самого великаго князя плениша погании, иже свободися от рук их 6954-го лета. О сем и Стрийковский пишет.

По сем той царь Улумахмет, и с сыном своим меншим Эгупом, в Казани от сына своего Момотека зарезани быша. Прочии же дети ево – Касим да другой Эгуп – приидоша служити к Москве к великому князю Василью Васильевичу лета 6956-го.

В Великой же орде облада оный царь Эдигей, изгнавый Улумахмета, и обладаше многия лета. Детей же своих в страсе великом содержаше, яко ни един от них дерзну власти искати кроме воли его.

Егда же состаресея, и смерть уже настояше нань, собрав тогда к себе всех сынов своих, начат заповедати им, наказующи под прещением, дабы вси жили купно, не деляся царством, и един бы одинаго не истребляли, но купно стрегли государства си.

Подая им образ содержания совет под сицевым вымыслом. Повеле принести к себе тридесять стрел и даде коемуждо сыну по единой стреле, повелевая им преломати я: тии же скоро сотвориша повеленное. Потом повеле принести другая тридесять стрел и даде их купно, первее старшему сыну повелевая преломити вся вкупе. Той же много трудився, не возможе учинити того. Потом другому и третьему, даже и до последняго даваше их, преломити веля, но ни един от них возможе учинити того.

Эдигей же восприим слово, начат паче увещевать в совете жити их, глаголя: Аще поделится царством и будет кийждо от вас жити самовластен, тако могут вас окрестныя соседи истребити, яко вы стрелы преломали есте, и изгибнете вси. Аще же вси в совете будете между собою и общими силами против супостатов стояти, то едва кто вас одолети может.

И сице завещав, и приклад совета и любви памятный учинив, умре царь Эдигей. Но обаче дети его мало сему внемлющи, по смерти его воздвигоша между собою брани и вси истребишася.

Последи сего Эдигеа и сынов бысть во Орде царь Седахмет имянем, иже лета 6959-го, Богу попустившу сего окаяннаго, приела тайно Россию воевати царевича Мазовшу имянем со многими татараы. Великий же князь, не успев собратися с воинством, уклонися за Волгу.

Татарове же пришедше посады у Москвы пожгоша и ко граду приступающе много зла сотвориша. Граждане же изходяще из града бияхуса с татараы. И тако погании прогнани быша.

По сих четырем летом минувшим, еже имать быти 6963, тии же татарове Седахметевы орды приидоша на Россию и Оку реку преидоша. Великий же князь посла противо им князя Ивана Юрьевича. И бысть им бой, и Божиим пособием побеждени быша погании.

По сих в лето 6967-го паки тиижде татарове Седахметевы орды, свирепством похваляющихся, приидоша к Оке реке. Великий же князь, Бога помощника имея, посла противо их сына своего, великаго князя Иоанна. И шед биясая с ними об реку, и тако побеждени быша и побегоша.

Сего Стрийковский называет Садахматом, пиша сице: яко Завольской орды царь Садахмат приходил с войски на Подолие ко Львову городу и мног плен взем и корысть; идяше в свою землю, ему же заступи путь перекопский царь Эди-Гирей и до конца победы его. Садахмат же с девятию сынами своими и со многими честными мурзами убежа в Литву, яко к своим приятелем.

Зде сумнительно, как бы ему пустошиша Подолие, прилежащее к Полше, яко на безстрашное себе место в Литву бежати и от смерти тамо спасатися. Еже сице разумеется. В том ево пустошении подозрение имяху поляки на литву, якобы их призваием Садахмат воевал Подолие. Того ради литва, покрывая лесь свою, онаго Садахмата, прибегша к ним, поимаша, дабы тем могли из подозрения у поляков свободитися. И под стражею стрегом бысть, идеже и уморили его, дабы тем учинили дружбу крымскому царю Эди-Гирею.

А в Степенной же российской является, яко царь Седахмет поиде со всею ордою на Российское царство, и бывшу ему на реке Дону, и ту прииде на него крымской царь Эди-Гирей, и победы его, и орду его взят. Сие же бысть лета прибежати ему в Литву 1450-го.

По сем Стрийковский дале пишуци глаголет, яко татарове заволския лет от Рождества Христова 1468-го, а от Сотворения Света 6976-го, с царем своим Маниаком, переправясь через Дон, на три части воинство разделили и воевали Литву, Подолие, волохов. И тогда Литву, и Подолие, и Волынь презелно повоевали, волохи обаче трижды татар победили, яко мало нечто их убегоша, идеже и сын царев пойман бысть и к воеводе Стефану приведен.

Царь посла ко Стефану, претящи ему войною, дабы свободил сына его Пелена. Стефан же при послах оных сына его на части разсеци повеле, а послов на древеса потыкал, оставыпи тамо единаго от них, ему же повеле обрезать губы, уши, нос и тако отпустит его, дабы то царю своему поведал.

По сем восприим царство Золотые орды царь Ахмат имянем, посла послов своих к великому князю Иоанну Васильевичу московскому и всея России, по обычаю царей ординских с басмою, просити дани. Великий же князь басму приим поплева на ню и потопта, послов же всех побити повеле, точию единаго оставив отпусти к царю.

Нечестивый же царь зело разгневался и огнепальною яростию дыша, собрав силу многу, лета 6980-го короустремително прииде ко граду Алексину, его же попленив и пожже, аще и сами мнози избиени быша. И отголе устремися ко Оке реке и вси напрасно вринушася в реку, хотящи преити ю; и абие в той час приспе тамо многое российское воинство, их же бяше яко море колеблющееся. И тако погании, трепетни будуще, побегоша прочь, Богу пославшу на них страх, еще же и язву смертную, ибо напрасно в полцех падающе умираху.

Чего ради проклятый наипаче ярости исполняшеся многожды посылаше к великому князю, зовущи его к себе во Орду. Великий же князь нимало сему внят, но послов его всячески ругателно отпущаше. Ибо о сем пророчествоваше два святителие: Иона митрополит

московский и Иона архиепископ новгородский – в малых летех прежде сего – яко российский самодержцы не имут к тому быти под областью ординских царей.

Беззаконный же царь, не возмогши к тому срамоты своея терпети, лета 6988-го собрав многую силу: царевичи, и уланы, и князи, и мурзы – скороустремително поиде к Российским странам. Во Орде же своей токмо остави тех, иже не доволни оружием владети. Ибо ни откуду супостата боишся. Ему же согласник был и полский краль.

Великий же князь Иоанн Васильевич посла воинство по многим градом, яже стоят на берегу реки Оки. Царь же, слышав о собрании российских воинств, поиде к Литовским странам, ожидаючи крала полскаго, и пришед ста на бротах реки Угры. Российское же воинство, пришедши тамо, многу брань творяху с ним, возбраняючи ему прешествия, идеже бысть и сам великий князь.

Царь же стоя, искаше бродов и преходу и не можаше того учинити. Великий же князь, советовав с боляры, умысли дело благо сотворит. Ведаше бо, яко в Большой орде, отнюду же царь изыде, не бяше воинства, тайно посла многое свое воинство в Большую орду, в жилище поганых. С ними же посла служащаго ему царя Уродовлета городецакаго да воеводу князя Гвоздева Звенигородскаго. Царю же ничтоже ведушу о сем.

Они же в ладиях шедше Волгою рекою приидоша во Орду и обретоша ю песту воинскими людьми, токмо бяху женеск пол, и старые, и отрочато. И тако зело плениша их и опустошиша, жен и детей поганых смерти без милости предающе, жилища же их огнем пожигающе. И, конечно бы, возмогоша тогда до конца оных поганов истребити.

Но городецакаго мурза имянем Обляз Силный пошепта цареви, глаголя: «О царю! Нелепо есть великое сие царство до конца опустошит и разорити, отнюду же и ты сам изшел еси и мы вси, и се есть отечество наше. И сего ради идем отсюда: уже бо и тако довольно попленихом и повеленная исполнихом, егда како Бог прогневается на нас; но идем отсюда».

И тако православное воинство возвратишася из Орды и приидоша к Москве с великою победою и со пресветлым одолением, имуще корысть многу и плен немалой. Царю же о сем уведавшу, в той час от реки Угры отступила и ко Орде побежаша. По отшествии же московскаго воинства, еще царю не приспевшу во Орду, приидоша на Орду нагайские татарове, и тии такожде и останки жилищ поганых разплениша и жен царевых поимаша.

И преплывши Волгу поидоша самому царю встречу, и внезапно стретошася с ним в поле, и много бившися с ним одолеша его, идеже все воинство его погибе. Тамо же и сам убиен бысть от шурина своего имянем Ямтемир мурзы. И тако в конечное опустение и разорение прииде оное возможное прегордое поганское царство. Сице вышеимянованный летописец.

В Степенной же повествуется, яко во второе лето по бытии ево на реке Угре прииде на него нагайский царь Иван имянем, иже убив Ахмата Ордою облада. Но или сице, или тако, обаче от сего времени прииде Орда в конечное запустение.

Тому же согласно и полской летописец Стрийковской пишет, яко того царя приход ко Угре бысть за подущением короля полскаго Казимера, лета от Рождества Христова 1477-го, от Сотворения Света 6985-го, тремя леты токмо прежде летописцов российских, сице глаголя. Краль Казимер приехав в Литву скоро посла дворянина своего к заволскому царю Шахмату [или Ахмату, яко на листу 683 называет его Ахматом, пишуци о сыне ево], просяще его, дабы ему подал помощь противу великому князю московскому.

Царь же нимало медля поиде по прошению ево со всеми ордами своими на Московское государство и пришед стал у реки Угры. И аще властители литовския зело хотяху обид своих от московскаго государя войною доходити, обаче краль Казимер с таким грозным государем покойно поступити умысли. Видящи его тако вознесеннаго и мужественнаго, преумножением великих богатств и стран обладанных. Такожде на множество неисчетнаго воинства, искуснаго непрестанными войнами и памятию прошедших побед в крепости своей упова-

ющаго. Своих же должайшим залежанием непотребных и подобных женам на войнах быти поведал. И того ради с московским государем на неколико лет перемирие утверди.

А царь заволский стоял немало время на Угре, ожидаючи повеления Казимерова. И потом государь московский многие дары даде гетману Шехметеву имянем Темирю, дабы отвел царя во Орду паки. Царь же, не имущи повеления от Казимера, будучи наговорен от гетмана онаго, возвратися в царство свое. Его же тамо той же гетман ево Темирь зарезал за взятые подарки от московскаго государя.

Сия суть инстинныя словеса вышеимянованнаго летописца.

По сем облада Ордою сын Ахматов или Ахметов именем Шахмат. Сей, яко древняго приятеля литовскаго Ахмата царя сын, со князем литовским Александром клятвами утвердишася против великаго князя Иоанна Васильевича московскаго и всея России и против Крымской орды, еже бы их общими силами воевати.

И тако Шахмат, лета от Рождества Христова 1501-го, а от Сотворения Света 7009-го году, на осень, прешедши реки Волгу и Дон, со всею ордою Заволскую приидоша на помощь Литве против московскаго государя, их же до ста тысящей поведаша быти.

И тако царь прииде с ними в Северскую землю, ста под Новымгородком Северским и у иных градов, идеже попустоши землю до Брянска, и взяв Новградок и иные грады, отдаде их послу Александра. И сам царь ста на Днепре между Чернигова и Киева, идеже порази воинство Менди-Гирея царя Перекопскаго [которыя хотели ево с поль оных согнати], яко мало что их убогоша.

Царь же стояше тамо многое время, и яко не бысть ему ничтоже от Александра соглашения, посла к нему послы своя, жалобу великую на него приносящи, яко он по прошению их пришел из таковых далних стран с великим трудом, а он с ним сил не совокупляет и промыслу не чинит. И того ради многие ево татарове в неплодных полях от мразов, и гладу, и от всякой нужды и с коньми конечно погибают.

Обаче послы те малыми подарками подарены и ни с чем отпущени быша. В то же время жена Шахматова, не возмогши терпети глада, и мразов, и прочих нужд, с болшею частию воинства его убежа к крымскому царю Менди-Тирею, ему же прибытием тех примножися воинства и дерзновения.

И тако собравшися прииде безвестно на Шахмата, и порази его до конца, и всю орду бывшую с ним поплени. Шахмат же с братом своим Азак-Салтаном и с мурзами честнейшими, прибежа к Киеву и став недалеко, посла к воеводе киевскому ко князю Димитрию Путятичу, поведаю ему прилучившаяся себе.

Его же воевода много дней чреждаше довольно. Потом Шахмат побеже оттуду безвестно к Белу-граду, помышляючи оттуду утещи к Баозиту турецкому султану, хотя поддаться ему и просити помощи против краля полскаго, хотящи Полше и Литве обиды своя отмстити. Но егда доведася, яко султан турецкий по прошению Менди-Гирея царя крымскаго повеле сенжаку белгородскому поимати его и к себе прислати, скоком паки к Киеву побежа.

Воевода же киевский, поймав, в Вилню град отосла его, идеже под стражею блюдом бьяше. И потом, будучи с королем на сейме, приносил жалобу на короля и панов радных, со слезами выговаривая им, яко он их ради великия терпит беды, и разорения, и напасти, наконец же и под стражею свое пребывание.

И потом по многом ево прошении повелением кралевским со многою честию отправажен бе в город Троки и блюден до приезде кралевскаго, идеже и сам обещася краля ожидати. И тамо приехаша к нему послы от князей нагайских, с ними же честно ездяше на ловы зверей. Усмотрив же время, побежа тайно из Трок, но обаче от Алехнамонивидовича, наместника троцкаго, и от иных дворян кралевских под Киевом постижен, пойман и связан бысть, паки в Троки отвезен и крепко стрегом бьяше.

В то же время приидоша к паном литовским посланные от перекопскаго царя Менди-Гирея, просяще у них, дабы Шахмата в крепости держали, яко же и прежде панове литовския по желанию дяди его Шахмату же заволскому учинили. А он того ради обещается покой с ними имети и помощь им всюду посылати, которую им яко блиский сосед скорее может учинити, нежели Шахмат из далних своих стран.

Шахмат же, под стражею будучи, уведа о сем и глагола паном литовским, яко лестию Менди-Гирей тако им обещается: «Ибо он не может удовольитися моим бедным пленением и того ради престати войною во страны Литовския приходитьи».

Обаче по том лета от Рождества Христова 1506-го, а от Сотворения Света 7014-го, егда краль Александр прииде в Вилню, тогда и Шахмота повеле привести к себе тамо же. И по желанию царя перекопскаго Менди-Гирея повеле князю Михаилу Глинскому поимати его и во град Ковно в темницу отвести. И тамо той бедный Шахмат нужно житие свое сконча. А иные татарове его по иным градом посаждени быша и такожде изомроша. До zde Стрийковский.

Сей последний царь бысть Болшия или Золотыя Орды. Сему согласно и в Степенной московской пишет, яко царь крымской Менди-Гирей побил Болшия орды царя Ахмета, еже той же имать быти, и Орду его конечно обладал, и людей в Крымскую Орду преведе. К великому же князю Иоанну Васильевичу московскому и всея России приидоша служити из Астрахани два царевича, Исуп и Байтерек, царя Ахмета Болшия Орды племянники.

Уже убо малыми леты прежде сего, яко о том довольно изъясися, начат наипаче малитися Болшая Орда от непрестанных своих междоусобных браней и нестроения, паче же от пленения воинства российскаго, еже утверждается и иностранными писатели.

Яко пишет Ботер, глаголя: Великий князь Иоанн Васильевич московской, ведящи о несогласиях татарских, яко между собою кусалися, на крепость же государства своего надежду имущи, не восхоте им дань давати. И в то время, в не же поразили татарове перекопския царя Ахмата, последняго наследника Батыева, иже умре в Вилне. Тогда государь великий князь Иоанн Васильевич московской присовокупи к государству своему Пермь, Вятку, Югру – области, бывшия под властию Ахматовою.

И егда государем московским умножахуся силы, царь Василей Иванович, сын его, взял Казанское царство [знать в то время писал Ботер книгу свою, егда была Казань под Московскою державою, ибо многажды отступоваху и одолеваемы бываху], а сын его царь и великий князь Иоанн Васильевич взял Астраханское царство.

И тако многонародное и сильное оное бусурманское Золотыя Орды царство вконец опусте и искоренися, от него же прежде российстии народи, Богу тако попустившу, не точию в великом разорении и пленении были, но просто рещи, ничтоже свойственнаго без их бусурманскаго изволения нареши смеяху.

Пребысть же сей наказателный бич– или свойственнее рещи меч от Бога посланный на христианы, от лета по Сотворении Света 6745-го, в не же окаянный Батый пленил Российское государство, до исчезновения сего последняго нечестиваго Ахмата, лет 269.

Страны же те, и грады пустыя, и прочия места, идеже нечестивыя татарския жилища быша, приидоша под державу великих государей российских самодержцев по взятии града Казани и всего того царства, яко о том Казанском царствии и взятии его и оных вышереченных стран zde предлежит повесть.

ЧАСТЬ 3

Глава 1

О начале и населении града Казани, и потом о разорении его от московских великих государей

Царство Казанское славно и великоможно от давних времен бяше и знаемо не точию российским народом, но и иностранным многим. О нем же иностранныи историки и всего света описатели не умолчаша описати, их же аз zde на свидетелство и подтверждение летописцам российским привести потщуся.

Иоанн Ботер, италианин, всего света описатель, описуя Тартарию и Скифию, поминает о орде Казанской и повествует град Казань под державою великих государей наших московских быти, идеже, глаголет, великий князь Иоанн Васильевич московский и всея России заведе множество лифлянтов. И под областию Казанскою поведает о людех вятчанех и черемисах, иже вельми суть приклонны к чародейству и волхованию, изводящи чары своими облаки дождевныя, и ветры, и гром.

Историк же полский Александр Гвагнин, описуя орды татарския, о казанских татарех пишет сице. Татарове казанския суть лучше иных татар и нечто учтивости имеют в себе множае иных, домостроительству и земледельству вельми извычны и разумны. Сии в домах, а не в пустых катадрах или сенех пребывают, купечество и мены торговыя с москвою и персами имеют. Царей своих даже до царства великаго князя Ивана Васильевича и сына ево царя и великаго князя Василия Ивановича всея России самодержца имели, никому же послушных.

От российских же летописцов о Казанском царствии и границах его сице изъясняется. Яко древнии границы Казанския земли бяху от Новаграда Нижнаго в долготу на восток солнца по обе страны реки Волги вниз, до Болгарских границ до реки Камы, в широту же простирахуся от Волги на полнощ до Вятския и Пермския земли, а на полудне в поле до Половецких пределов.

О начале же царства Казанскаго сице. Егда минута двадесять лет по батыеве пленении, еже имать быти 6765, яко о том выше пространно изъясися, быша вси князи российстии под властию царей Золотыя Орды. По Батые же бысть царь во Орде имянем Саин – тот имать быти Сартак сын Батыев – иже хотяше паки воевати страны Российския, и поиде с воинством тамо.

Князи же российстии убоявшеся, поидоша молити его, дабы не пленил земли Российския, и встретивше его, давшие многи дары злочестивому, и утолиша его. Царь же на том месте, идеже воздержа шествие свое, восхоте поставити град во славу свою, и дабы был пристанищем послом его, ходящим в страны Российския дани ради.

И того ради посла многих по различным местам искати удобна места к созиданию града. И обретено бысть место на самой украине Российския земли, на реке Волге, на сей стране реки Камы, концем прилежащее к Болгарской земле, другим же к Вятке и Перми, иже бяше всякими доволсты преисполнено.

Глаголют же, яко прежде тамо гнездяшеся змий великий о дву главах, едина змиина, другая воловая, и иных различных змий множество. Их же волхв татарский волхованием собра всех во едино место, идеже сожжени быша. И на том месте по желанию своему постави царь град и нарече его Казань, еже российски толкуется котел золотое дно.

Российстии же князи не токмо противословити не смеяху цареви, но и град принуждены быша делати, от стран своих художников и работников посылающе. Народов же российских, иже живяху близ того места, всех изгна оттуду поганый, и во едину три лета до конца опустоши, и вместо них наведе и насели из-за Камы языков лютых поганых болгар и со князи и старейшинами их, такожде и прочих поганых языков, яже называются горняя и луговая черемиса, зовомыя остяки, народ простой, иже бяху пришелцы из Ростовския земли отбегшия оттуду крещения ради и населишася в болгарских жилищах.

И приложи царь Саин к Казани граду болгарския грады со всеми людьми в них и в уездах живущими, да обладаются Казанским царем. И бысть той столный град вместо Бряхимова болгарскаго града, и вскоре тамо новая Орда зачася, и называшеся Юрт Саинов. Любляше же его царь зело и часто приходя из своего столнаго града Сарая пребываше тамо.

И потом на том своем юрте остави царя от колена своего со многими князи. Последи же того царя мнози кровопийственнии царие царствоваша в Казани мало мнее полутора лета, их же царствования, паче же и самых имен не обретается в летописцах скудости ради их, браней ради и пленений непрестанных от татар даже до сего времени.

Лета 6904-го тоя Казанския орды царевич Ектык, со многими татараы призван от князя Симеона Суждалскаго, прииде к Мурому и много около града ратова. И того ради великий князь Василий Дмитриевич, не терпя таковаго его лукавства, ревностию Божиюю подвизаем, посла на поганя брата своего князя Юрья Дмитриевича со многою силою воевати орды Казанския.

Они же шедше взяша города Казань, Болгары, Жукотин, Кременчуг, и прочия их села, и Золотую Орду повоеваша, и грады разориша, и царя казанскаго с царицами его мечу предаша. И со многою победою возвратися князь Юрье Димитреевич к Москве. И от того времени смирися Казань и в худость прииде, и стояше пуста четьредесять лет.

Тakoжде и после оныя первыя войны великий князь Василий Дмитриевич смирился бяхе с крымскими татараы и купно воеваша Казань и царя Зелед-Салтана, сына Тахтамышева. Крымския по полям хождаху, а великий князь в судех Волгою; с другую же страну малгиты силныя стужаху им, их же улусы бяху на реке Яике. И тако отвсюду зло бысть Орде той, ибо от тех малгит наипаче в запустение прииде, и царь Зелед-Салтан исчезе, 6929-го лета.

Глава 2

О обновлении Казани от царя Улумахмета, и о прочих царех по нем бывших в Казани, и о многократном покорении и отступлении казанцев от Московскаго государства

По сем того ж лета бысть в Большой орде царь именем Улумахмет, сын Зелед-Салтанов. В десять же лет после того царя Зелед-Салтана, а по взятии Казанском от князя Юрья Дмитриевича в четыредесять лет, а в шестое лето княжения великаго князя Василья Васильевича, еже имать быти 6939-го, ибо той княжити начат 6933-го лета, прииде на того царя Улумахмета из-за Яика князь именем Едигей, у него же бяше тридесять сынов, от девяти жен рожденных, от них же и менший имяше до десяти тысящ воинства, иже имяновалося от него малгиты силныя. И в подданстве у него быти не восхотеша, и Золотую Орду воевати дерзнули. И от них изгнан бысть царь, и с царства прииде кочевати в Белевския места. Отнюду же хотящи его изгнати, великий князь Василей Васильевич посла на него воинство, иже от него побеждено бысть, яко о том писася выше при описании царей Золотыя Орды.

Последи же тоя брани возможе злочестивый, и зело богатствы исполнися, и пошед от пределов Российских превезеся чрез реку Волгу, прииде ко граду Казани, яже тогда пуста бяше от пленения российскаго воинства. И начат собирати оставлыпихся тамо татар, иже любезно приемше его и поддавшеся, молиша его, да будет им заступник и собиратель царства.

И тако царь постави себе древяный град крепок на ином месте, не далече от старой Казани. И начаша к нему збиратися мнози татарове от Золотыя орды, и от Астарахани, и от Азова, и от Крыма. И от того времени начат изнемогати великая Золотая Орда, укрепляти же ся вместо тоя новая Казанская Орда, запустевший Саинов юрт.

И прииде царская слава, и честь, и величество от престарелыя окаянная матери Золотыя Орды на преокаянную дочь Казанскую Орду, которая паки обновися злогубительным царством и растяше, напаяемо безпрестанным кипением кровей сынов царства Российскаго. Ибо той злочестивый царь Улумахмет велия воздвиже брани на землю Российскую, паче всех царей, бывших последи царя Саина в Казани, понеже злокознен и огнедыхателен яростию и дерзновением бяше, телом же велик и силен.

И отъвсюду собрав воинственную силу, в третье лето по Белевской брани, иже имать быти 6947, устремися на пленение Российскаго царствия. Великий же князь не успе собратися с воинством, уклонися за Волгу, на Москве же остави воеводу князя Юрья Патрекеевича со множеством народа. Царь же пришед под Москву июня в 3 день и стояв десять дней, посады пожегши, возвратися в Казань.

По том лета 6953-го той же злодыхательный царь Улумахмет пришед внезапно седе в Новем Нижнем граде и потом иде к Мурому. Великий же князь слышав о нем, собрався с братиею и с воинством своим, поиде ко Владимиру граду и оттуду хотяше на царя ити к Мурому. Он же слышав о воинстве российском побеже от Мурома. Обаче татар его множества тогда побиша тамо и во иных местех.

Потом того же лета той же нечестивый царь посла детей своих Момотека да Югупа ратию на великаго князя Василия Васильевича, с ними же бысть ему бой у града Суждаля в шестый день июня месяца, идеже побежден бысть великий князь, зане мало имяше воинства, и сам нечестивых руками ят бысть. Но обаче за обещание искупа отпустиша его нечестивии из града Курмыша октября в 1 день 6954-го лета; оттуду прииде к Москве. Сице Степенная являет.

В неких же летописцах обретається, яко великий князь и в Казань сведен бысть, идеже царь велми почиташе его, не яко пленника, ниже нужды какія творяше ему; и оттуду искуплен бысть.

И потом той огнедыхателный змей того же лета и с сыном своим меншим Эгупом зарезан бысть ножом от сына своего Момотека. Прочии же дети Улумахметевы, Касым да другой Эгуп, приидоша служити великому князю Василью Васильевичу к Москве.

И бысть той нечестивый Момотек царь в Казани, и сице от онаго змия лютая скорпия произыде и от лва лютейший скимен изскочи, зане сей нечестивый многия беды и пленения творяше Российскому царствию, паче же странам Нижнаго Новаграда и Мурома, иже прилежаху к Казани.

Лета же 6957-го той нечестивый посла князей своих со мною силою воевати российских градов. Великий же князь посла противо им сына своего великаго князя Иоанна Васильевича с воинствы. Нечестивии же страхом объяти бывше возвратишася. По сем умре той проклятый царь Момотек в Казани.

По нем же бысть царь в Казани сын Момотеков Ибраим имянем. На него же великий князь Иоанн Васильевич московский лета 6976-го во отмщение проливаемыя от них крове христианския и пленения отца своего посла многая своя воинства, их же вручи царевичу служащему ему, Касиму сыну Улумахметеву. С ним же и воевод посла, князя Ивана Юрьевича и князя Ивана Стригу, и двор свой со мною силою. Они же пришедше к Казани сотвориша брань с погаными, идеже множество их от оружия христианскаго паде. Христианское же воинство во всяком благополучии с победою возвратишася к Москве.

Лета же 6977-го паки великий князь Иоанн Васильевич посла на Казань конною ратию братий своих князя Юрья, да князя Андрея Васильевичев и иных воевод, инех же Волгою в судовой рати; воинство же со всеми ими многочисленное посла. И тако водное воинство прииде к Казани майя в 21 день и не дождавшися коннаго воинства приидоша ко граду безвестно. И едва не взяша тогда Казани, и совершенно бы взят был, аще не бы воевода Иван Руно понаровил татаром.

Во вторый же день паки бысть бой российским воинством с татары, такожде и в прочия дни. Конное же воинство слышавше, яко ничто же успеша оное водное воинство, возвратишася, и тии ничто же успеше.

Еще потом великий князь Иоанн Васильевич лета 6978 множайшее собрав воинство посла на Казань братию свою князя Юрья да князя Андрея Васильевичев и воевод многих с конными и водными воинствы. И приидоша обое воинство во едино время под град. Татарове же изшедше учиниша с ними бой велик и потом побегоша во град. Христианское же воинство гнаша по них до стен градных и осадивше град крепко.

Царь же Ибраим, видев себе с сущими во граде в велицей беде суща, послав к братиам великаго князя и к воеводам, поддадеса под государеву высокую руку по всей воли его. И тако все православное воинство с пресветлым одолением здраво возвратишася к Москве. А царь по том умре вскоре.

Историк же польский Александр Гвагнин о сем царе Ибраиме инако пишет. Глаголет бо той во описании земель татарских о казанских царех сице. Царь казанский имянем Халеалек, иже бысть в подданстве у великаго князя Василья Ивановича [имать быти Иоанн Васильевича]: сей оставя жену имянем Нур-Салтан умре бездетен, юже по повелению великаго князя взя в жену себе некто татарин знаменитый имянем Ибраим и бысть царем казанским. У него же быше сын от первыя жены ево имянем Алехам, а от сея Нур-Салтаны имяше детей Махмет-Аминя да Абдельатифа.

По смерти же Ибраимовой Алехам, яко первый сын его, царь бысть по Ибраиме. Лета 6980-го бысть царь казанский Алехам, у него же бяху братия Махмет-Аминь да Абделатиф, иже с братом си царем Алехамом некоторыя ради вины воздвигша вражду, отыдоша

к Москве служить великому князю Иоанну Васильевичу. Их же великий князь радостно приим и удоволи:

Махмет-Аминю даде во обдержание град Коширу, другому мужу, брату его, иные грады. И тии, гнев имеюща на брата своего царя Алехам, непрестанно советоваху великому князю, да пошлет воинство на Казань, дабы брат их не царствовал един и не ругался над ними. Великий же князь, послушав совета их, паче же помятуя о пленении и безчестии отца своего, лета 6995-го собрав воинства много зело и посла с ними воевод своих князя Данила Холмского, князя Александра Оболенского, князя Семена Ряполовского, иже идоша в силе тяжце.

И недошедшим им до Казани, встрече их царь Алехам казанский со многими татарами на реке Свияге. И бывшу велию сражению, идеже помощию Божию побеждени быша от российского воинства нечестивии и царь их в той брани руками ят бысть. Прочии же бежаша во град и затворитися не успеха, ибо российское воинство вскоре по них прибегоша и, яко царя с собою в руках имуще, кроме многого труда внидоша во град и оным обладаша. Идеже и мать цареву, и жену его, и двух братьев: Малендара именем и другаго Кудайлука взяша. И тако покориша Казань под государеву руку.

И оставиша воевод тамо, сами со пресветлою победою возвратишася к Москве, имуще с собою оных нарочитых пленников. Их же, зане не восхотеша креститися, посла великий князь в заточение: царя Алехам и с царицею во град Вологду, мать же со двема царевичи на Белоозеро. Идеже в заточении том царь Алехам, и мать его, и царевич Малендар изомроша.

Менший же царевич Кудайлук остався, его же великий князь, взем ис темницы, повеле крестити в христианскую веру, и наречен бысть Петр. Ему же великий князь даде в супружество сестру свою великую княжну Евдокию. По лете же едином умре и той царевич.

В Казань же великий князь Иоанн Васильевич того же лета посла на царство коширского царя Махмет-Аминя, брата Алехамова, иже пребыв в Казани неколико лет начат князем и прочиим жителем казанским обиды и насилие чинити и женам их безчестие. Они же вознегодоваша нань, приведоша к себе некоего царя шибанского именем Манука. Махмет-Аминь же, изгнан будучи, прибежа к Москве.

Великий же князь паки даде ему во обдержание города: Коширу, Серпухов и Хотунь. Он же и тамо живяше невоздержно и многим насилие творяше. Князем же казанским и прочим люд ем и Манук неугоден бысть. Того ради от всея земли послаша Сеита к Москве молити великаго князя о винах своих и дабы изволил им иного царя послать, кроме Махмет-Аминя.

Великий же князь послушав моления их, посла к ним на царство брата Махмет-Амина Абдельати́фа; и пребысть тамо на царстве пять лет. Сей нечестивый многуя свою силу неверность показа к великому князю. О чем великий князь доведовся, повеле его поимати и к себе привести. И тако приведен и послан бысть в заточение на Белоозеро, идеже и умре.

Лета 7010-го паки великий князь посла в Казань на царство Махмет-Аминя, прежде бывшаго тамо. Сей царь Махмет-Аминь, испросив у великаго князя ис темницы жену брата своего Алехам царя, и оженися ею, и живяше с нею в Казани, служащи Московскому государю.

Сия окаянная начат во уши мужу своему шептати развращенныя глаголы, советующи, дабы отступил подданства московскаго и побивше народ российский тамо бывший тогда един самовластно владел царством. И аще, рече, сице сотвориши, то велию славу получиши и царством долго владеть имаши, аще же не сотвориши тако, то вскоре отпасти царство имаши, яко же и брат твой, а мой муж царь Алехам.

Той же нечестивый царь, забыв к себе благоденствие и милость великаго князя, прельщен будучи словесы жены своея, дерзну тако сотворит. Лета 7014-го июня в 24 день, в день рож-

дества крестителя Господня святого Иоанна Предтечи, в он же бываше по вся годы в Казани ярманка знаменитая и зело людная, идеже приежжаху купцы от разных многих стран, паче же от Московских, со многим имением и преизобилными богатствы, той же нечестивый царь в той день повеле народ и купцов российских, во граде бывших тогда, такожде и во областях казанских живущих, всех побити со женами, и з детьми, и со ссущими младенцы, неведущим им ничто же о сем, ниже спасения имевшым. Ибо во всякой надежде, яко же в домех своих живуще бяху. Богатства же их безчисленная разграбиша нечестивии.

И от того времени царь Махмет-Аминь зело обогатися, и всякими доволствы преисполнися, и содела себе венцы златы, и всякую утварь царскую, такожде и сосудов серебряных; и к тому уже не ядше ис котлов и ис корыт, яко пес некий. Такожде и прочии князи и татарове исполнишася зело богатствы и уже престаша ходити в тулупах и козьих кожах, но зело в драгих преиспращенных и цветных одеждах.

Но обаче и еще сим не удоволися проклятый, но собрав многое воинство, к тому же наят в помощь себе нагайских татар до двадесяти тысяч, и яростию дыша иде с ними на пролитие христианских кровей. И пришед под Новьград Нижний пожже посады окрест его и многое разорение сотвори христианом.

Во граде же тогда бысть воевода Иван Васильевич Хабар-Симской, иже ни мало убоися множества нечестивых, град мужески защищаше и татар многих побеждаше. Последи же князь нагайских татар, иже бысть шурин царев, пришедый с татары нагайскими в помощь зятю своему, из града ис пушки убиен бысть. По его же смерти возматосася нагайския татарове, и бысть с казанскими татары сеча многа, яко едва царь прибежав утоли сечу им.

Великий же князь Иоанн Васильевич, слышав о таковых злых бывающих государству своему от того пренечестиваго царя, посла на освобождение христианское воевод многих к Мурому, с ними же воинства до ста тысящей бяше. Иже аще и ничто же благо сотвориша, но обаче царь убоися побежа к Казани и облада тамо. Бысть же Казань от взятия под областью московскою седмьнадесят лет.

По сем лета 7014 октября в 26 день преставися великий князь Иоанн Васильевич московский, и того ради от того нечестиваго казанскаго царя наипаче бываше пленение и пустошение Российскому государству.

Великий же князь Василей Иоаннович, иже бысть преемник скиптра Российскаго царства по отце своем, восхоте отмстити измену ко отцу своему от казанскаго царя и Казань паки воспрятъ. Посла брата своего князя Дмитриа Ивановича углецкаго, прозванием Жилку, да князя Ивана Федоровича Белскаго со многими воинствы сухим путем, иных же Волгою в судах. Приидоша же к Казани маиа в 22 день лета 7016. Тогда же нечестивый царь со всеми своими князи и мурзы и со многим поганским народом, не токмо живущими во граде, но и из далних мест пришедшими, изшед из града в поля, стояше в шатрах около града во время праздника своего поганскаго, нань же прихождаху народы татарския, и черемиския, и чувашския и пребываху ту пиюще и веселящеся многи дни, и куплю между собою деюще.

Воинство же российское в то самое время нападоша на поганых, идеже многих побиша и вся становища их плениша. Царь же со оставшими убеже во град и затворися. И бяше тамо теснота велия, яко мнози людие подавляхуся от тесноты великия. И аще бы российское воинство не ринулися на грабление богатств татарских и обступили бы град, то бы конечно могли тогда Казань взять.

Но воеводы и прочее воинство, вместо еже бы о толикой победе воздати благодарение Господеви и труды и подвиги наипаче приложит, но побравши многое богатство и доволство преисполненное брашен и питий ослабеша в подвизех и начаша ясти, и пити, и спати довольно, мняще поганых вконец побежденных.

Царь же виде от стрельниц градских, яко ничтоже промышляют, страх и боязнь отложив, дерзновение воспрят. В третий день по приходе воинства под Казань во второй час

дни, отворивши врата градныя, изыде со двадесятми тысящи конных татар и со тремядесяты тысящи пеших черемис и нападе на московския воинства, или да победит их, или себе свободный путь в бегство обрящет.

И бысть тогда воинством российским, конником и пешцем, с татары презелная сеча, идеже в первом соступлении мнози татарове избиени быша и падоша от оружия христианскаго. Потом абие, Богу попустившу грех ради наших, укрепилася безбожнии. Ох, увы! И бысть победа и падение велие христианскому воинству от поганых: мнози быша от оружия избиени, инии же в водах потоплени, инии же живы яти быша.

Толико же тогда бысть падение православному воинству, яко река Волга, и озеро Кабан, и обе реки – Казань и Булак – исполнишася трупами избиенных и истопших, яко чрез сия две малыя реки вместо мостов по трупам мертвых ездяху погании, реки же на много время с кровию смешаны стояли.

Оставльпшии же во своя побегоша никим гоними. Даже потом погнаша за ними татарове, они же, воздержавшися, паки с татары брань составиша и множество татар победивше приидоша к Москве.

Тогда воеводы избиени быша: три князя ярославские, князь Александр Пенков и князь Михаил Карамыш Курбской с братом своим с князем Романом, да Федор Киселев. Дмитрия же Шейна тогда жива яша, его же умучи царь в Казани лютыми муками. Воинства же от ста тысящей едва седьмь тысящ остана. И бысть в России плач велик паче онаго, егда в Казани побиени быша московския народы. Понеже в сие время падоша княжеския и боярския многие роды и знаменитая победоносцы, яко же и на Дону от безбожнаго Мамаю.

Царя же казанскаго за толикое его клятвопреступление и пролитие христианския крове не попусти воля Божия во благих пребывати. Поражен бо бысть болезнию велиею, и бысть весь гноен кипя червми, и смрад велий от себе испущаше, яко не точию царица или князи и мурзы приступит к нему можаху, но и ниже оныя, им же повелено бяше дозировать и обмывати или нуждную пищу ему давати, без заятия уст и носа приступит можаху к нему.

Пребысть же в таковой лютой болезни многа лета. И едва окаянный в таковой лютой болезни будучи прииде в чювство, и помянув свое клятвопреступление посла послы своя к великому князю со многими дары и молением, дабы вины его отпустит ему изволил, сам же в той болезни изверже скверную свою душу лета 7027-го.

Глава 3

О покорении Казани к Московскому государству, и двократном послании в Казань на царство царя Шигалея, и о многих бранех за Казань

И тако послы казанския приидоша к Москве и имянем всего царства покоришася великому князю. Великий же князь умилися о сем, дары приим, вины отпусти им, забвению предав великия измены их и дважды многое от них христианом избиение. И по прошению их того же лета посла им на царство в Казань служащаго ему касимовскаго царя Шигалея Шигалеяровича, с ним же посла и воеводу Федора Карпова.

Царь же, поим с собою многих своих служивых татар, иде в Казань с воеводою купно. И пришед управляше народ казанский по воли и велению великаго князя. Но обаче народ казанский кровопийственный сущий мало обыче во смирении без мятежа быти, начаша прелщати царя, поущающе отступит от великаго князя. Царь же никакко послушающе их, ниже совету их внимаше, но многих таковых зло советующих в темницы предаде, иных же смертию погуби.

Но обаче казанцы, не терпящи таковыя его крепости, совещавшеся тайно, послаша неких в Крым к царю Махмет-Гирею и испросиша у него меньшого его брата Сафа-Гирея имянем, приведоша с собою в Казань. С ним же приидоша мнози князи и мурзы. И посадиша его на царство вместо Шигалея царя, и с тем новым царем, паки восташа на христиан, бывших тогда тамо, се уже в третье губяще их, и побиша всех в третье лето царства Шигалеева в Казани, еже имать быти 7029-е.

Тогда же и царя Шигалея татар до пяти тысяч побита и всю казну цареву и воевод пограбиша, едва токмо возможе новый царь испросит от смерти царя Шигалея и воеводу великаго князя. И тако тайно отпусти их с двема служащими его татаринами, во единых ризах, на самых нуждных клячах.

Слышав же сие великий князь зело опечалися, и в раскаяние прииде сотвореннаго ради миру с казанцы, и много плакаше о погибели христианской, такожде сетоваше и о царе Шигалее, ибо зело любляше его за верную его службу. По сем прииде весть, яко царь жив сый и идет к Москве, ибо царя проводиша оттуду в поле два татарина нагайских.

Тамо же обретоша его человек яко до тысящи российских людей, иже живуше бяху на реке Волге ловления ради рыб и слышавше о измене казанской, оставыпи вся, побегоша и снидошася с царем в поле. И тако царь со оными рыболовы по полям скитающеся, приидоша к пределам Российским.

Его же великий князь повеле встретити со всякими потребы на пределах своих. Егда же бысть близко Москвы, повеле встретити его всему сигклиту своему. Егда же прииде к чертогам государским, встрече его сам; великий князь со многою любовию, и привел его с собою в палату, и посади, и утешися о здравии его.

И по сем великий князь претерпе таковому суровству казанскаго народу до лета 7032-го, не посылаше рати на них, токмо в некоторых пограничных градах имяше воинство сохранения ради прилежащих к ним стран, зане велик страх объят все страны оныя от насилия сих поганых. Ратей же не посылаше тогда на Казань не боязни ради некия, но брани имяше с королем полским чрез двадесять лет непрестанно.

Но егда умиришася между собою чрез посредство цесаря христианскаго Максимилиана, тогда ни мало коснев лета 7032-го собрав велие воинство множае перваго, их же бысть сто пятьдесят тысяч. Над ними же постави двенадесять воевод знаменитых и искушенных в ратных делах, посла к Казани сушею и Волгою в судех.

Языцы же, обладаемии казанскими цари, реченныя черемиса, многи пакости творяху в шествии по Волге судовой рати, и побиваху многих ратных людей, и корысть себе немалую от того приобретаху. Конное же воинство внидоша в землю Казанскую не ведущи ни коея тщеты водному воинству. И пленяючи землю Казанскую приидоша к реке Свияге. И се над их чаяние бяше тамо множество поганых татар с воеводами своими, в них же бяше первый князь Отон Сильный, другой Аталык князь. Царь же их в граде Казани затворися.

И бысть российскому воинству с татары об реку брань чрез три дни, но обаче татарове побеждени быша от российского воинства и устремишася на бегство к Казани. Российское же воинство гнавше за ними до Волги, биюще и пленяше их, донеле же в струги своя пометавшеся погани.

И бысть избиенных и истопших татар вящше четыредесяти тысяч. Князей же и мурз честных тогда убиено бысть тридесять семь человек и болшаго их мурзу именем Алуча взяша и к Москве жива приведоша. Остатнии же убегши затворишася во граде с царем своим. Российское же воинство пребыша в тех местех, воюючи пределов врагов своих, ждуще воднаго воинства и удивляющеся необычному их замедлению.

Потом же приидоша два воеводы с водным воинством, сказующе своим нужное прошествие сквозь враги их, идеже множество их и от глада изомроша. И тако воеводы советовавше поидоша назад не приступающе к городу, ибо невозможно бяше без стенобитнаго наряду ко граду приступати, ибо наряд весь от оных черемис потоплен бысть в Волге. И тако водное воинство, сожегши суды, вкупе с конным воинством поидоша с печалию к Москве.

Великий же князь зело опечалися о тщете воинва своего, обаче удержа ярость свою, дающи опочинуту утружденному своему воинству чрез шесть лет. В лето же 7038-е великий князь Василей Иванович возложи упование на Господа, третицею собра премногое воинство, яко же и прежде посылал дважды, размышляючи, да или поможет ему Бог победить супостаты, или конечно всего отщетится.

И посла воевод своих: царя Шигалея, да князя Ивана Федоровича Белскаго, князя Иосифа Дорогобужскаго, князя Федора Оболенскаго, князя Ивана Овчину-Оболенскаго, князя Михаила Кубенскаго, князя Михаила Глинскаго, Ивана Хабара-Обрасца-Симскаго и прочих, их же бяше числом тридесять.

Царь же казанской Сафа-Гирей, слышав о таком тяжком воинстве российском, начат совокупляти ратных. И многих черемису, и мордву, и чувашу пригнав, содела острог крепок окрест Казани. Тогда прииде в помощь к казанскому царю нагайских татар 30 тысяч, хотяши обогатиться пленом российским. И седоша тии во остроге с прочиими пришедшими татары, царь же со избранными своими.

Воеводы великаго князя с воинством российским пришедше сташа окрест Казани и стояша чрез целое лето, приступающе ко граду и ко острогу. Во един же от дней, свитающу дневи, приступила всеми полки к острогу, татаром же тогда от пьянства крепко спящим, зажгоша острог и вострубивше устремишася на приступ, и тако взяша его.

И бысть тамо велие падение нечестивым, их же тогда избиенных до 60 000 поведают быти. Тамо же и храбрых их воинов много избиено бысть, и единаго от них силнаго татарина Атылака именем избодоша копии, иже зело бяше мужествен и смел, яко со стом человек бияшеся дерзновенно.

Тогда же и воевод российских двое убиено бысть, князь Иосиф Федорович Дорогобужской да князь Федор Лопата-Оболенской. Бысть же сия брань июля в 16 день.

Царь же казанский, видя погибель своих, собрався с надежными своими, их же до 3000 бысть, и взял царицы своя побежа ношию из града сквозе все российское воинство. И бився крепко, на переменных конех убежа со всеми к брату своему крымскому царю Махмет-Гирею, уязвен будущи многими раны.

Воеводы же великаго князя со оставшими в Казани перемирие учиниша, взявше со всего Казанскаго царства на три лета дани, и тако поидоша с победою к Москве. С ними же идоша и послы от всего царства Казанскаго, лстивно покаяющесе великому князю. И пришедше к Москве со многими дары, испросиша у государя к себе в Казань на царство брата меншаго царя Шигалея, Эналея имянем.

Великий же князь клятвами утвердив их отпусти с ними царя онаго, сущу ему тогда пятнадцать лет. С ним же посла для хранения его князя Василья Пенкова ярославскаго. Царь же пришед в Казань и пребысть тамо токмо лето едино, потом убиен бысть неповинный той младый царь от казанцов, с ним же и князь Василей Пенков воевода.

А в Казань на царство паки призваша прежде бывшаго крымскаго царя Сафа-Гирея, убегшаго прежде от российскаго воинства. И от того времени бысть паки велие зло христианом от тех нечестивых варвар.

Потом лета 7042-го декабря в 5 день великий князь Василей Иванович московский и всея России самодержец, оставль скиптр державы Российския, отъиде в вечное блаженство.

По нем же бысть приемник отечества его наследия сын его царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России самодержец. Сему, яко в детских летех оставшуся, умножашесе наипаче велие зло от поганых казанцов. И бысть превелие пленение от них облаstem Российским прилежащим к ним, и уже сокращеннее рещи вся оныя области в конечном запустении быша.

Егда же царь приспе в совершенном возрасте, первое начат молитися Господеви со слезами, да вразумит и поможет ему христианство озлобляемое избавити от поганых. И начат збирати воинство избранное, и собра много зело. К тому же еще присовокупи пеших воинов со огненною стрелбою, не бывших прежде в России, их же имянова стрельцы.

И тако начат помышляти на исконных врагов христианских. Казанское царство, с ними же еще прадед и дед, паче же отец ево государев великия брани в различных счастьях и несчастьях чрез двесте лет и вящше ведоша; и коликия тогда подвиги и труды в воинских делах показаша, о том и списати трудно, паче же по прешествии лет многих. Колико же и оныя проклятые соделаша пленения и напасти странам Российским – множество сего скудости ради описателей забвения прахом бысть покровено.

Православный же царь еще и видева таковая бывающая от них, обаче ожидаша благополучна времени на дело оное. Непостоянный же казанский народ не токмо со окрестными брани составляху, но и междоусобныя войны строяху.

Ибо в лето 7053 – го воздвигши мятеж во граде на царя своего Сафа-Гирея изгнаша его со всем домом за сие, яко наипаче любляше своих крымских татар, и чести им даваше, и богатствы исполняше. Он же убежа от них на реку Яик в Нагаи и там поят себе в жену дочь некоего князя нагайскаго, имянем Сеюнбук или Сумвек.

С нею же взят и улусы тамошние некия и живяше тамо. И подвиже с собою тестя своего на Казань, и тамо собравшесе приидоша под Казань, и стояху два месяца приступающе к граду, но ничто же возмогоша сотворити, ибо не имяху стенобитнаго наряду.

В тех же летех царь Шигалей по повелению цареву зело стужаше казанцом, области их воюючи и пленящи. Казанцы же стужиша си от непрестанных браней, бывающих от российскаго воинства, советова о избрании владеющего над собою. И овии хотяху турскому салтану поддаться, овии же послати в Крым по инаго царевича, онии же покоритися московскому государю, инии же хотяху паки из Нагай Сафа-Гирея призвати.

Обаче по многом советовании послаша послов к Москве и просиша у царя и великаго князя паки царя Шигалея. Царю же советоваша советницы, да не посылает им царя Шигалея, ниже да послушает лстиваго их моления. Обаче царь не внемлющи тому, призвав царя, повеле ему ити в Казань.

Царь же, поем с собою двора своего татар три тысячи, поиде. Посла же царь с ним и воевод своих: князя Дмитрия Белскаго, тому повеле и быти в Казани; да князя Дмитрия Палецкаго, сему токмо повеле царя на царстве утвердити в Казани.

Егда же приидоша в Казань, казанцы же всретоша царя со оружии и взяша во град единаго его токмо и с ним сто человек людей ево, а прочих побиша; и воевод не пустили во град. Князь же Дмитрий Палецкой, видев бывшее, скоро возвратився прибежа к Москве и поведа цареви бывшее. Бысть же сие лет 7054-го.

Пребысть же царь Шигалей в Казани не яко царь, но яко пленник, месяц един. Иже видев зло, хотящее быти над собою, начат помышляти о соблюдении здравия своего и умысли сице. Во един от дней бывшу в Казани празднику их поганскому, царь же зва к себе на обед всех честных людей казанских и упои их до пьяна, такожде и простой народ упоив, убежав из града тайно.

В чем поможе ему казанский князь Чура имянем и из Казани до Волги проводи его. Такожде и воевода князь Димитрей Белской со всеми своими на лехких стругах убежа в Василь-город и отуду на Коломну. Ибо тамо стояше тогда царь и великий князь противо крымских татар.

По отшествии же царя Шигалея из Казани паки взяша казанцы к себе на царство онаго же царя Сафа-Гирея, изгнаннаго в Нагаи. Царь же и великий князь, не терпя такового их лукавства и срамоты царю Шигалею соделанныя, посла на Казань воинство с избранными своими храбрыми двумя воеводы, со князем Семеном Микулинским да со князем Васильем Серебряным.

Они же шедше повоеваша области Казанския и под самую Казань пришедше едва самага царя не взяша, ибо в поле бяше утешения ради; татар же бывших с ним многих побиша. И отыдоша здраво. Царь же посла за ними во след их татар своих двадесять тысячей. Но и тии от российскаго воинства тако поражени быша, яко едва тысячи две возвратишася в Казань. Воеводы же с воинством здраво и с победою приидоша к Москве.

Великий же государь зело обрадовася сему, воевод же и воинство, верно служивших ему, пожаловал своим жалованьем по достоинству их. И сия бысть первая победа на казанцов при сем великом государе. Но ни тако злонравнии хотяху покоритися государю.

По сей победе во второе лето умре царь казанский Сафа-Гирей, разбився падением в полате своей. По нем же осталася царица его имянем Сеюнбук, яже от нагай бяше, имущи у себя царевича имянем Утемиш-Гирея. И от того времени царь и великий князь непрестанно посылаше многия воинства воевати Казани и областей ея.

И сего ради в них наипаче умножишася несогласия и развраты, яко неции от них, не терпящи таковых, до десяти тысячей с честными мурзами приидоша к Москве служить государю. Царь же и великий князь возвеселися о сем. На прочих же непокаряющихся гневашеся и уязвляшеся сердцем на сицевых кровоядных языков.

Глава 4

О походе под Казань царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца и о поставлении Свяжска, и о мученицех, и о чудесных делех, бывших прежде взятия в Казани

Лета 7059-го царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России самодержец, усмотрив благополучно время делу своему, подвижеся сам особою своею со многочисленными воинствы на Казанское царство в зимнее время. Зима же тогда бе презелно снежна и мразы неудобь терпимыя были. И тоя ради нужды многое воинство от мразов изомроша, такожде и конской падеж бысть. Но обаче не сокрушися сердце того ради благочестивому царю, но пришед ко граду стояше, осадив его крепко, декабря с 25-го числа марта по 25-е число, и всячески приступаше ко граду и промысл творяше. По зиме же и весна скоро настала и стояше с непрестанными дождями. Сие же бысть по случаю ли аера, или от действия диаволя чрез поганское чарование, о том несть известно.

И таковых ради неудобствий совеща государь отступит от Казани. Обаче области Казанския до конца повоевав и пусты воистинну учинив, возвратися к Москве. Не благоволи бо господь Бог тогда взяти ему Казани, или сего ради, да явит царь наипаче ревность свою во святей вере христианской; или да множайшую славу приобрящет, зане тогда не бяше царя в Казани, и аще бы тогда предал ему град, то бы не толико славна была победа его.

Идущи же государь к Москве и отшед двадесять верст от Казани, прииде к реке глаголемей Свяге, иде же она в Волгу впадает, возлюби зело место оное к поставлению града на вяцшее утеснение оным поганым казанским народом; обаче тогда никому не яви помысла своего. Пришед же к Москве упокойся мало.

По том посла к царю Шигалею, сушу ему тогда во граде своем Касимове, повелевая ему приити к себе. И яко верну ему сушу и служащу со всякою истинною, посылает его паки на Казань со многими воеводы и воинством. Воеводы же тогда посланы быша: князь Петр Иванович Шуйской, князь Михайло Львович Глинской, князь Семен Микульской, князь Василей да князь Петр Семеновичи Оболенские, Иоанн Челядник, Даниило Романович Юрьев, Иоанн Шереметев.

И повеле им государь Казанския области воевати, на избранном же месте на Свяге поставити город укрепления ради воинства своего, к Казани же неослабно приступати. Царь же и воеводы радостно повеления царева слушают, и путь скорошественно восприемлют, и делом слово исполняют, везуще с собою соделанный готовый деревянный град на стругах великих.

И пришедше на повеленное место на Свягу реку поставиша тамо град той, его же привезли с собою, лета 7059-го иуния в 30 день. И в нем устроиша церкви и монастырь возградиша. Окрест же мест тех живуция народы, горная черемиса, покоришася совершенно царю и великому князю.

Казанцы же ничтоже о сем ведуще живяху в Казани, идеже правительствова царица умершаго царя Сафа-гирея с сыном своим малым; ей же имя по иным летописцам Сумвек, царевичу же имя Маткирей. Юже соблюдаху вси казанские князи и мурзы, в них же бысть первый крымский царевич улан именем Кошак. Сей и в государево пришествие седяше в Казани и защищаше град. Егда же прииде весть в Казань, яко прииде царь Шигалей и с ним множество воинства и град на Свяге поставиша, не верова тому от гордости, мняху бо, яко оный малый градец, зовомый Гуляй, постави, иже прежде провожен бяше с воеводами к Казани, учиненный на колесах и цепми крепко обвязан.

Егда же подлинно уведаша о поставлении великаго Свяжскаго града – велми ужасошася, и вниде трепет в кости их, и советоваша поддатися царю и великому князю. Токмо едина царица крепляшася и с нею оный предъреченный царевич улан Кошак, иже любодейно живяше с царицею, о чем вси казанцы ведаша.

И хотяше Кошак сына царева и вельмож многих обличающих его побити и царицу за себя пояти. Потом виде весь народ волнуем на себя, и яко хотяху его убити, испросися у казанцов, яко бы собрания ради воинства хотяше изыти. Собрася со своими татары, взяв с собою брата своего, и жену, и два сына, побежа в Крым. Казанцы же даша весть царю Шигалею, яко да избегнет Кошак отгуду.

Царь же посла на него Ивана Шереметева, иже догнав его в поле бежаща меж Волгою и Доном на Переволоке, и поби всех людей его до пяти тысяч человек; самага же с братом, и с женою, и с детми, и с ним избранных татар триста человек взяв, приводе ко своим, их же оковав послаша к Москве. На Москве же, егда не восхотеша креститися по повелению государеву, вси на площади смерти предани быша. Жена же и дети ево крестишася и быша в милости государственной.

По избежании же онаго из Казани приидоша казанцы с прошением к царице, моляще ю, дабы предалася со всеми ими благочестивому царю, а сама пошла бы замуж за царя Шигалея. И тако бы их соблюла здравых, ибо не можем, глаголюще, противитися воинству российскому бранию. Царица же, лстивно внемлющи прошению их, обещае тако учинити. Казанцы же идоша в Свяжск к царю Шигалею и просиша его о сем. Царь же, советовав з бояры и воеводы, обещае желание их исполнити. И тако казанцы учиниша мир и вдашася на волю цареви, и бояр, и воевод.

Послы же пришедше в Казань возвестиша царице. Она же, яко радующися тому, посла к царю Шигалею ядь некую с лютою отравою учиненную, такожде и срачицу чарованием смертным ухищренную. Царь же приим дары те, повеле ядь псом дати; пси же ядшии того часа помроша. Срачицу же повеле на отрока татарска осужденна на смерть возложить, иже такожде скоро пад на землю издше. И бысть страх велик на всех зрящих сия.

И тако царь обличив царицу пред всеми, посла в Казань князь Василья Серебряного с воинством, и взяша царицу и с сыном ея Утемиш-Гиреем, иже во крещении имянован бысть Александр, и со многими честными жены и девицами, и отведоша к Москве. А сам царь Шигалей, взяв с собою воеводу Иоанна Васильевича Хабаря и служивых людей двадесять тысяч да пять тысяч стрельцов, иде к Казани.

Казанцы же прияша его с великою радостию и бысть по их закону поставлен царем, се уже в третие. И живяше царь зело осторожно, и бережно, и аще в ком прознаваше измену, тех вскоре явно и тайно смерти предаваше. И тако много казанцов честных мурз погуби.

Казанцом же о сем зело болезнующим, обаче не домышляхуся, что сотворити. В то же время бысть на Москве князь казанский Чапкун именем, иже испросився у государя паки в Казань к сродникам своим. И пришед тамо возмущаше народы. Потом усуетоваша сицевую лесть сотворити.

Приидоша ис Казани много мурз и татар к воеводам, будущим в Свяжску, и оболгаша царя, якобы изменити хотяше. Воеводы же емше веры тому, отписаша к Москве к государю. Государь же вскоре повеле царю быти в Москве, и с воеводою купно, Казань же отдати князю Петру Шуйскому и протчим воеводам.

Царь же по сем пять дней премедли в Казани, ждуци воевод, и не дождався их поиде в Свяжск. Его же воеводы стретоша с честью. Он же веляше им, да немедленно пошлют в Казань воевод и воинство. Воеводы же той день пиروваху с царем в Свяжску, послати же укуснеша многих, токмо послаша три тысячи избранных воинов с казною и нарядом, надеющася на клятву поганых. Царь же приводе с собою в Свяжск татар, клеветавших на него, мурз честных до осмисот человек, и всех посети их повеле. Той же князь Чапкун

остая тайно в Казани. Сущии же тамо татарове, слышавше о побиении своих, плакашася много, и в иных местах избраша от родов своих иных мурз. Той же князь Чапкун старейшина бысть им.

И тако оных посланных три тысящи воинов приемше в Казань, всех до единого помучиша. Воеводам же не ведущим сего, но во утрие воставше поидоша к Казани и ожидаху себе встречу с подобною честью. Они же затворишася во граде и на брань уготовишася. Воеводы же в недоумении бывше, видевшя их прелесть, отыдоша в Свяжск, не смеюще приступати без повеления царева.

Царь же Шигалей пришед к Москве оправдася во оклеветании и сказа государю вся по ряду бывшая в Казани. Царь же и великий князь одарив царя отпусти с честью во град его Касимов и заповеда, да готов паки с ним на Казань будет.

Прежде даже не начнем о совершенном и последнем казанском взятии поведати, предложим зде повесть о мученицах христианских, иже пострадаша в Казани веры ради христовы.

Потом о чудесных делех, бывших прежде взятия в Казани.

Сице о мученицех повествуется

Во дни великаго князя Василиа Ивановича пленену бывшу от казанских татар от страны Нижняго Новаграда мужу благоговейну и совершенну христианину именем Иоанну, иже житие чисто и непорочно име, пост же и молитву непрестанну. И тако приведенну ему бывшу в Казань, и егда начаша пленников поделяти, сей Иоанн вдан бысть на делу дядке царя казанскаго князю Алишукуру именем. И той окаянный много нуждаше его отступить православныя веры.

Той же блаженный бяше яко твердый адамант, ни мало внемля ласканию и прешению поганых, но дерзновенно прелесть их обличаше и проклинаше и в лице плевалше им. Нечестивии же не возмогши к тому поношения и обличения его терпети, изведоша его вне града на гору, и связавше руце его суровым ремнем крепко, зело, и много нуждаху его отступить веры святых. И видяще непреклонное его изволение повеле князь он главу отсеци ему.

И тако посечен бысть мечем, иже пад на месте том. К тому же еще аки мертву суцу поругашася ему, многи раны придавше и мечем сквозе утробу прободше, отыдоша. Бог же хотя явити страдание раба своего соблюде его жива, ибо глава малыми некими жилами придержашеся телеси его. И лежаше наг на месте том от перваго часа дни до последняго.

И аще зима бе тогда, и мраз к тому, обаче под телом страдалцевым даже до земли и окрест по локтю единому отая снег. В последний же час дня руце его крепко связанныи сами о себе, паче же силою Божию развязашася. И встав, отсеченную главу свою прият единою рукою и постави прямо на составех, яко же бяше, и поддержаше ю. Другою же рукою закрыв тайныя уды, иде к воем российским, сущим им тогда окрест Казани.

И тоя ноци исповедався, причастися святых тайн и о себе явственнo поведав, седяше чрез всю ночь. На утрие же восходящу солнцу, предаде душу свою в руце Господни, за него же и пострада. И тогда весь дом исполнися неизреченнаго благоухания. И положено бысть тело его в Казани, в месте сокровенне, на лесу в старом российском кладбище.

В царство царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России самодержца лет 7059-го, егда царь Шигалей, в третье будучи царем в Казани, оставя град по указу государеву иде к Москве, прочий же воинстии людие и купцы не успеха тогда с царем изыти. Их же всех начата погании побивати. Между ими же познаша человека от племени своего, ново-приимша христианскую веру, Петром именованна.

Тогда наипаче ярости исполнишася зверообразнии. Похитивше его, начата вопрошати и уведавше, приведоша к нему отца его, и матерь, и братию, и сестер, и много сродников,

и не убиша его тогда. Но поемше его в дом тии сродницы начата ласкати его, сродниками называющесе ему и именем татарским зовуще его.

Той же страдалец отрицашесе от них, глаголя: «Отец мой, и мати, и братия, и сестры – един Бог в Троице исповедуемый, в ню же и крещен есмь, и аще и вы примете христианскую веру, то имам вас яко отца, и мать, и сродников». И проклинаше прелесть их злочестивую, и пророка их Махомета, и писания его. Себе же имя христианское Петр утверждаше, поганого же имене отрицашесе.

Нечестивии же много ласкающе понуждаху его отступит православныя веры. И егда не могоша того сотворити, собравшесе нечестивым сонмищем, убиша его; ему же исповедание христианския веры во устех имущу и вопиющу: Христианин есмь! И такое скончася терпеливый и подвижный страдалец за Христову веру, и положен бысть на месте, идеже ныне стоит храм Воскресения Христова, на Житном торгу.

О чудесных делех, бывших в Казани, и о знамениях

По умертвии поганого казанскаго царя Сафа-Гиреа многажды видяху татарове на дворе Цареве и в храмах человека черноризца ходяща, овогда же седяща, и всячески тщася яти или убити его; он же посреде их проходилше к реке Волге и невидим бываше. Такожде видяще и по стенам града дву монахов скоро бегающих, и никто же ни осязати, ниже постигнута их можаше. Погании же не внимаху сему, но глумляхуся, ослеплыпе на погибель свою.

Такожде и на Свяге реке, блиско Волги, на месте, идеже ныне стоит град Свяжск, многажды видяху татарове, близ места того живуший, человека в монашеских ризах ходяща, иногда же стреляюща, и бяху страхом великим одержими, не смеяху и к месту тому приблизитися. Иногда же слышаху на месте том звон великий и пение многих гласов неизреченно.

Овогда же видяху священников на месте том поющих и кадящих. Сия же вся зряще погании недоумевахуся и стужаху себе, глаголюще: «По всему разумети есть, яко быти на месте том православию и церквам христианским и жительствовати ту российским людем», еже и бысть.

Не точию же сия, и ина многа знамения от божественнаго промысла быша тамо. Но и от самых многих поганых бяше о том прорицание.

Яко же царевна их имянем Ковгоршад, яже бяше сестра Махмет-Аминю царю, зело сущи изучена писанию срацынскому и многому волхованию бесовскому извыкши, многажды сказоваше наместником великих государей: «Ведая будите, яко отныне по шестинадесяти летех татарове казанстии не могут противитися царю и великому князю Иоанну Васильевичу, иже не токмо Казанским царством обладает, но и многими татарскими странами».

Потом некто татарин юродствуя в Казани, еще живу сущу царю Сафа-Гирею, по граду ходящи нача напрасно вопити и непрестанно глаголати: «Не жити zde татаром, но российским людем». Татарове же хотяху убити его, но запрещаше им царь, и повеле его в праздную храмину затворити; он же выломався из храмины единаче вопияше, проклиная татар и погибель им прорицая.

Иногда же во граде Казани явно видеса татаром, яко от коровы родися детищ человеческим видом, его же видети мнози снидошася; и внезапу детищ пременися в совершенна мужа возрастом, и яко вооружен видеса, и глаголаше зрящим на него: «Повинуйтесе без лукавства Московскому государю, аще ли не повинуетесе, вси имате погибнут». Татарове же совещащася убити его, он же невидим бысть.

Некогда рыбным ловцем, ловящим рыбу на реке Волге и извлекшим мрежу, видеша в ней человека состаревшася жива лежаща и глаголюща к ним: «Поспешите умолити Московскаго государя о неправдах своих, милостив бо есть и помилует вас. Аще ли тако не сотво-

рите, то вси потреблени будете от него». Они же мняще, яко от российских людей сие мечтание видесе им, хотяху убити его; он же абие исторжесе из мрежи и вверзесе в реку.

Прежде пришествия государева к Казани послани быша повелением его многия воеводы с воинствы пленения ради земли Казанския. И бывшим им на устии реки Казани у Волги в день святых Пасхи и поющим со священником утреннее пение, слышаша мнози людие поющие и священник звон велий в колоколы в Казани, якоже у христианских церквей обычай. Такожде потом и прочии людие слышаша, и много дивляхуся размышляюще, откуда сие бысть? Ибо тогда в Казани не бяше православия. Но сице разумеваху, яко последи хошет Бог тамо православие утвердити, яже и бысть по сих вскоре.

О прочих же еще многих видениях и чудесах объявитися имать при самом взятии Казанском, о нем же последи вышеписаннаго сице начинается.

Того же вышеимянованнаго 7059-го лета оныя нечестивыя татарове казанския, с ними же князь Чапкун и прочии мурзы, видевшие несогласие между собою, без владения суще, советующе много, умыслиша сице сотворити. Послаша многих татар со многими дары в Астрахань к царю имянем Касим-Салтану, просяще сына его Эдигиреа в Казань на царство.

Он же, послушав прошения их, даде им сына своего. Иже пришед в Казань утвердися на царстве. Сему же нечестивии зело возрадовашася, начаша умышляти с новым царем, како бы могли воевати Российское царство, паче же хотяху разоряти оный новопоставленный град на Свяге, понеже оттуду велию боязнь имяху, видевши его стояща посреди жилищ своих. И непрестанно ратоваху нань.

Также и российское воинство из того новопоставленнаго града исходяще воеваху прилежащая области и к самому граду подъезжающе немал страх и боязнь нечестивым творяху.

Глава 5

О походе царя и великаго князя Иоанна Васильевича под Казань, и о совершенном взятии ея, и о покорении всего того царства

По сих всех лета 7060-го великий государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России самодержец во осьмоенадесять лето благочестивыя державы своея, в них же всех непрестанную тщету в людех и казне восприимаше от неукротимаго и свирепаго Казанского царства. И того ради велие попечение имяше и всячески многоразсудительно помышляше, како бы возмог оным поганым таковое их свирепство возразити. И много о том мысля, призывает к себе во свои царские чертоги братию свою князя Георгия Васильевича и князя Владимира Андреевича и всех благородны велмож.

И изволи со всеми ими сести в Золотой палате. Идеже призван бысть преосвященный Макарий митрополит московский и всея России со архиереи, прилунившимися тогда в царствующем граде, и со всем освященным собором. И седше начаша советовати, воспоминающе многое пленение и пустошение земель христианских от поганых татар казанских, и многих благочестивых пленение и побиение, и в плене сущих, и терпящих неизреченныя нужды.

В совете же том пресветлый самодержец пред всем сигклитом начат глаголати продолжительную речь, воспоминаючи в ней веру христианскую, за ню же предки его великие государи и обладатели стран Российских мног подвиг над погаными показали, охраняюще благочестие крепко, инии же в таковых подвизах сподобишася страданию своими преукрашенных славою венцов мученических и прославляются того ради в вечныя роды.

В чем, рече, и аз, хотя наследовати преславных своих прародителей, хошу неотложно, возложу упование на Бога, и у пресвятыя Матери его приснодевы прося помощи, и у всех святых заступления, подвигнутся сам и со всеми своими воинствы государств Российских на исконных своих врагов поганых казанских татар.

Уже бо, рече, не могу слышати всегдашняго плача людей божиих, врученных мне, расхищаемых от оных поганых. Зело бо стужают и досаждают мне погани. И того ради дерзаю и хошу сам второе ити со всеми вами на Казанское царство и страдати хошу за православную христианскую веру не токмо до крове, но и до последняго моего издыхания. Сладко бо есть коемуждо умерети за оную, за ню же обеща Господь вместо тленных воздати вечная.

И тако скончав речь умолча ожидая, зрящи коегождо намерения. Но не обрете притивно и во пресветлом своем сигклите о таком преславном деле намерение, ибо вси с радостию и со многим дерзновением обещахася страдати за непорочную христианскую веру и отмстити нечестивым многолетняя христианския обиды. И тако многоразумным советом утвердиша таковое дело, еже неотложно быти его государеву ществию на Казанское царство.

Но обаче благочестивый царь, аще и на зело виновных сущих поган не от ярости дело начинает, ниже неразумным гневом, но зело премудро и от страха Божия, еже есть начало премудрости. Не желаше бо пролития крове не токмо христианския, но ниже поган самых. Ибо яко и прежде множицею посылаше на них воинство, устрашая их, или грамоты премногою обещательною милостию исполненныя, тако и тогда посла к ним милостивыя грамоты, вины отпущая и в милость паки приемля.

Древняя же злоба, казанские людие, ново добро быти не восхотеша, но гордостью вознесшеся обьюродеша и злобою помрачишася, не восхотеша под легким игом господним быти и православному царю покоритися.

Благочестивый же царь, видев их непреклонное надмение, начат совокупляти премногое воинство.

Сам же со мною верою и благоговением обходяще святые церкви, моляшеся и многи милостыни творяще по святым местом, по монастырем и церквам многим, и убогим многа имения раздав. И потом онаго вышеимянованнаго лета месяца июня в 16 день взем благословение у преосвященнаго Макария митрополита московскаго и всеа России и от всего освященнаго собора, изыде в предприятый путь свой.

На Москве же с царицею и великою княгинею Анастасиею Романовною по своему царскому чину остави многих бояр и воинства немало на отвращение яковаго нечаяннаго неприятеля; и всех вручи брату своему великому князю Георгию Васильевичу. И поиде в село свое Коломенское. Бояр же и воевод, коим итти с ним великим государем, отпусти прежде в село Остров и тамо повеле им себя государя ожидать.

Воеводы же в полковождении от благочестиваго царя ученени быша. В Болшом полку: князь Иван Федорович Мстиславской, князь Иван Михайлович Микулинской, князь Юрь Андреевич Пенинской-Оболенской. Правая рука: князь Петр Михайлович Щенятев, князь Андрей Михайлович Курбской. Передовой полк: князь Иван Михайлович Турунтай-Пронской, князь Дмитрий Иванович Хилков. Левая рука: князь Дмитрий Иванович Микулинской, Дмитрий Михайлович Плещеев. Сторожевой полк: князь Василей Семенович Серебряной, князь Давыд Федорович Палецкой, Семен Васильевич Шереметев. В Ертоуле: князь Юрь Иванович Шемякин-Пронской, князь Федор Иванович Троекуров.

Такожде и водным путем в судех прежде себя посла многих воевод со многим воинством, с пушками, и пищали, и с прочими стенобитными хитрости, и пушечными припасы, и всякими воинскими потребы. Такожде бояре, и воеводы, и воинство многие своя запасы и потребы послаша в судех.

Сам же государь изволил ити помолитися в монастырь пресвятыя Троицы и преподобнаго Сергия чудотворца и пребысть во обители день един, моляся прилежно о помощи преподобному. И отгуду прииде государь во град Коломну. Тамо приидоша к нему вестницы с поля, поведающе, яко хан крымской Девлет-Гирей со многими воинствы идет на украинные города, с ним же и наряд пушечной, и янычане, посланные ему в помощь от турецкаго султана.

Сие же сотвори крымский царь помогая казанцом, дабы возмог удержати благочестиваго царя от намереннаго пути на Казань. Но обаче о том не сокрушился сердце православному, ниже убосяя того, не ослабе в подвизе, аще бо и великия воинства прежде послал в Свяжск в стругах водою, но обаче не усумнеся в том.

И на мало время воздержа шестивие свое на Казань, и аки бы с величайшею частию воинства уготовися сопровит предреченнаго онаго врага христианскаго, и яко сам речеса, стояше на Оке реке у града Коломны, ожидающе его ко сражению брани. А иныя воинства поставил по иным градом, иже стоят при той же реке.

И доведыватися повелел о хане, ибо неведомо еще, на которые места итти хотяше. Он же егда услышал, яко царь христианский стоит с воинством готов, над надежду его – ибо надеялся, яко конечно на Казань пошел – тогда возвратился и обляже град Тулу.

Государь же посла противо его воевод своих, аки с пятьюнадесять тысящей воинства. Тии же преплавися чрез реку Оку, со многим потщанием зело скоро устремишася, и прехаша того дня шестьдесят пять верст, и стаха в нощи на едином потоке близко стражи царя крымскаго, от града же Тулы, под ним же сам царь стояше, аки пятьнадесять верст.

Стража же татарская утече к царю и поведа ему о множестве воинства христианскаго, мняше яко сам царь прииде с воинством. И тоя нощи утече царь татарский от града в поле аки четыредесять верст, за три реки переправясь, и пушки некоторыя и припасы потопи в переправах, и велблюдов отбеже. Войско же в войне оставил, ибо три дни хотяше воевати, а два точию пребысть на месте том, а против третияго дня побежал.

Наутрие же воинство христианское приидоша к Туле и стаха на станах татарских. Войска же татарскаго аки третина или вяшце осталось было в загонех и шли ко граду, надеющася царя своего стояща. Егда же разсмотриша и уведаша о воинстве христианском, ополчишася противо их. И тако сразишася со христианским воинством погании, и удержашеся битва часа яко два.

По том поможе Бог христианом над бусурманы, и толико избита их, яко зело мало осталось их и едва весть во Орду возвратилась. И тако христианское воинство победу над бусурманы восприимши и многих знаменитых языков плененных имущи со пресветлым одолением возвратишася ко православному царю, сушу ему тогда во граде Коломне.

Православный же царь, слышав сия, премногия радости исполнися, воздаде благодарение Богу, яко первое торжество прият над погаными. К Москве же, ко благочестивой царице, и к брату своему, и ко преосвященному митрополиту посла вестника о сем, поведающе им о толикой преславной победе благодарение Господеви воздати, о себе же являя, яко неотложно имать итти на Казаньское царство.

Митрополит же соверши нал ежащее дело со многим тщанием. Но обаче слышав митрополит о зело многотрудном предлежащем пути государеве, советоваше со благочестивою царицею, писаша ко благочестивому царю, советующе ему, дабы многих ради неудобствий отменил свое намерение и удержал путь свой.

Благочестивый же царь не внят о сем, ниже краем уха послуша, но в подвизе своем яко тверд адамант пребываше и дерзновенно путь свой прият. И поиде с Коломны к Мурому в 4 день июня. В Муроме же прииде того же месяца в 13 день. И пребысть в Муроме управления ради воинства неделю. В двадесятый же день поиде из Мурома и превезеся чрез Оку реку, а иных воевод аки с треманадесять тысящами воинства посла чрез Резаньскую землю.

Тии же прешедше Мордовские леса в три дни, изыдоша в Велико поле и идоша от царева полку по правой руке, аки в пятих днях езды. И заслониша царя тем воинством от нагайских татар. А сам православный царь поиде от Мурома трудным путем чрез частыя леса, и прешед леса изыде в чистыя поля.

В пути же том Бог провождаше благочестиваго царя со христианским воинством не инако, яко Моисеа со израилтяны чрез пустыню. Ибо всюду всякия неудобства безбедно прохождаху и пишу Богом посланную довольно приимаху. Ибо множество бяше в полях тех зверей ко ядению удобных, яко лосей, еленей, коз, кабанов и прочих, такожде от воздуха птиц премножество и в водах рыбы преизобильно бяше.

И воистинну рещи: Богом посланная пища бяше воинству. Ибо сами зверие прибегаху, и птицы прилетяху, и обретахуся в полцех между воинствы, яко сами вдающеся на пищу христианскому воинству, ими же все воинство довольно изобиловашеся. Егда же приспе пост пресвятыя Богородицы, тогда никако обретахуся к ядению дивия звери, ниже птицы – точию рыбы в водах преизобильно наипаче умножахуся.

Оное же воинство, иже идяше по правую руку Царева полка, аки по пяти неделях доидоша Суры реки, на устье реки Борыша, идеже того же дня и царь православный с воинством прииде. Итого дня оные хлеба сухаго наядошася в сытость со сладостию и благодарением, оно купующе, оно у друзей заимствующе. Ибо им не достало бяше пищи аки на девять дней. Обаче господь Бог препитал их такожде разными зверми, и птицами, и рыбами, их же множество в реках тех, и зверей во оных пустых полях.

Егда же превезошася чрез Суру реку, иде оттуду воинство в землю супостатов своих чрез великие леса, и глубокия реки, и топкие блата, иногда же и полями пространными. А сел жилых мало тамо, понеже у них села стоят в великих крепостях и незримы суть, аще и блиско бывшим.

Тогда языки тамошня: черемиса горныя, и по их языку чуваша зовомые, и мордва, и прочее, прежде враждебнии суще, умиряхуса, начаша покарятися благочестивому царю

и встретить человек по пятисот и по тысящи, и довольствоваху воинству благочестивому, мосты и перевозы на реках, и на брезех и блатах гати устрояху, и станы уготавлиаху, аки радующеся цареву пришествию. Ибо в их землях стояше град Свяжск.

В полки же ово они провождаху, ово и по странам отъезжающе куповано хлеба и скотов, аще и зело дорого плачено, воинству яко в толико далнем пути сущему и того требующему зело благодарно. Ядей же услаждающих гортань и любимых напоев тамо и не воспоминай. Ибо черемиский хлеб паче драгоценных калачей обреташеся тогда.

Се же того ради, яко благочестивое воинство подвизашеся за Отечество правоверного христианства, спротив врагов Христовых, еще же вкупе со благочестивым царем своим: сие бяше всего благодарнее. И не слышашеся ни единыя нужди, но друг под другом добрым подвигом ретящеся подвизахуся. Ибо сам господь Бог помогаше христианом.

Егда же благочестивый царь с воинством христианским приближашеся к новопоставленному Свяжскому городу, и не дошед посла прежде себя в Свяжск к бояром и воеводам, будущим тогда тамо, ко князю Александру Борисовичу Горбатову-Шуйскому с товарищи, Федора Семенова сына Черемисинова объявити о своем государеве пришествии и спросити их о здравии. К ним же посла и свое государево жалованье, коемуждо по достоинству, и повеле им себя государя встретити на Итяковых лугах.

И тако по повелению цареву августа во 12 день в субботу выехаша в сретение его воеводы мнози, яко градския, тако и иже в судовой рати приидоша, со многими воинствы, полки имеюще благочинно по чину устроены. Их же бяше конных тысяч аки пятьнадесять, такожде и пеших множество исшедших в стретение. К тому же и оных новопокорившихся варвар купы немалыя, до четырех тысящей, их же жилища и села блиско онаго града быша, иже хотяще и нехотяще покоришася.

И бысть тогда немала радость о здоровом пришествии цареве со многими воинствы, такожде и о победе преждереченной, над крымским ханом бывшей. Ибо зело бояхуся в воинстве о прохождении его к Казани на помощь и о поставлении града онаго превеликаго.

Потом воинство по повелению государеву поидоша в Свяжск, прежде которыя встретиша первее государя, потом и прочия полки преидоша тихо и немятежно чрез гати учиненныя и приближишася ко граду. Потом и сам благочестивый царь приближися. Полки же стаха около града по достоянию их. Самого же царя обоз поставлен бысть от Вязовых гор в лугах прохладных. И тако едва в пятинадесяти верстах всюду около града могоша станы уместитися.

И тако ко оному Свяжскому граду прииде воинство яко во свои дома от того долгаго и нужнаго пути, понеже привезено им из домов их Волгою в судех множество всяких запасов к ядению и питию потребных. Такожде и купцов безчисленное множество с различными живностями и многими иными тавары приплыша. Идеже бяше всего достаток, чего бы душа хотела, точию нечистота невозможно бяше обрести купити тамо.

Августа в 13 день в неделю благочестивый царь поиде во град Свяжск, и первое вниде в соборную церковь Рождества пресвятыя Богородицы, и совершив молебная пения, осмотрив строение града, отъиде во станы своя, и ту опочинуты повеле три дни. И потом повеле превозитися чрез Волгу на луговую сторону.

И тако воинство вскоре начаша возитися за Волгу. Августа же в 18 день и сам благочестивый царь преиде Волгу и прешед стояше в лугах два дня, ожидая последних воинств прешествия. Ибо многочисленное воинство собрано бысть, аще и прежде царева прешествия превоздахуся семь дней на многих местех.

Егда же вси преидоша, тогда благочестивый царь, пев молебная пения, поиде оттуду ко граду Казани августа в 19 день в субботу. И двадесять верст точию иде три дни, зане много малых речек текущих в Волгу прилучися преходити, их же прехождаше воинство чрез мосты и гати, яже пред воинством попортиша казанцы.

И пришед государь ста на Волге, на устье Казани реки на заводи, и стояше тамо два дни. В понедельник же августа в 21 день приеха из Казани к государю служити мурза нарочитой Кемей имянем и с ним семь человек татар, иже совершенно ведаше все намерение и дела казанцов, и извести государю подробно вся мысли их и ухищрения.

Опочинувши же с воинством на том месте аки день един, пушки некоторыя, их же пред полки вождаху, сложены быша с судов на берег и устроены. Августа в 23 день благочестивый царь з братом своим со князем Владимиром Андреевичем, и с цари служащими ему, и с боляры и воеводы, и со всем православным воинством, по Божиим литургиях, движесе от станов своих и развивши хоругви христианские во многом благочинии и устроении полков поидоша ко граду супостатов.

И пришедше аки за версту или мало болши от Казани сташа тамо. Идеже благочестивый царь повеле распрострети великую свою царскую хоругвь, на ней же бяше шитием воображен нерукотворенный образ господя Бога нашего. И шед с коня возде руке свои на высоту, разверзе же и сокровище сердца своего, и душевныя распростре крыле, ум же возведе на небесная ко господу Богу, и моляшесе прилежно, просящи помощи отгуду.

Пришедшу же воинству близ града и видеша его аки пуст стоящ, яко ни единого человека бе видети и ниже един глас человек слышашесе в нем. Яко многим неискусным радоватися о сем и глаголати, яко избеже царь и все воинство в леса от страха великаго воинства.

Град же той в великой крепости стоит. С востоку от него идет Казань река, а к западу Булак речка зело тиновата и непреходна, которая течет под самый град и впадает в Казань реку под угольную башнею, а течет из озера немалаго, Кабан реченнаго, которое кончается аки полверсты от града. И яко преити ту нужную речку, тогда между озером и градом с Арскаго поля лежит гора зело крутая и к восхождению трудная.

А от тоя реки около града ров копан зело глубок, даже до озера, реченнаго Поганова, иже есть подле самую Казань реку. А от Казани реки гора так высока, яко и оком возрети трудно, на ней же град стоит, и палаты царския, и мечети зело высокие каменные, идеже цари их погребались.

В 25 день августа повеле благочестивый царь воинству христианскому град Казань обступити со всех стран и обложити стенобитными хитростями. Егда же начаша обступати град оной бусурманский воинство христианское, повелено ити трем полком чрез преждереченную речку Булак.

И егда первое перепровадился, сделав мостки, предние полки, иже Ертаулом называется – в нем же бе изряднаго воинства семь тысяч, а над ним стратилати два, князь Юрье Пронской и князь Федор Троекуров, юноша зело храбрые – и случися им ити с нуждею многою прямо на оную гору на Арское поле между града и предреченнаго озера Кабана, а от врат градских аки два стреляния лучных.

Другий же великий полк едва точию начал препровождатися чрез оную речку по мостам. Тогда царь казанский выпустил из града воинство коннаго аки пять тысящей, а пеших з десять тысящей на первый преждереченный полк; конные татарове с копы, а пешие со стрелами.

И абие удариша посреди полка онаго, аки в полгоры оныя, и прерваша его, дондеже поправишася оные воеводы. Уже бо аки со двема тысящи или вящие взыдоша на оную гору, и сразишася с ними крепко, и бысть сеча немала между ими. Потом поспешашася иные воеводы с пешими ручными стрельцы, и сопроша бусурманов яко конных, тако и пеших, и гониша их секуще до самых врат градных, и неколико десять живых взяша.

В той же час вкупе во сражение оное и стрельбу огненную из града изъявиша, яко з башен высоких, тако и со стен градских стреляюще на воинство христианское, но ничто же за Божию помощь тщеты сотвориша. Тогда же и прочие воеводы идоша обступающе град.

Передовой полк преиде на Арское поле; и еще другой полк, в нем же бе царь Шигалей и другия великия воеводы, залегоша оныя пути, яже от Нагайской стороны ко граду лежат. Правая же рука, в нем же бяху воеводы: князь Петр Михайлович Щенятев, князь Андрей Михайлович Курбской– в их же полку бяше воинства конных вяшще дванадесяти тысящей и пеших стрелцов и казаков тысяч шесть – им же повелено ити за Казань реку; и простресея воинство полка того до Казани реки, яже выше града, а другой конец до мосту, иже по Галицкой дороге, и до тое же реки, яже ниже града.

И залегоша пути, яже лежат ко граду от всея луговоя черемисы. И случилось полку тому стати на месте в равнине, на лугу между великими блаты. Граду же с тоя страны на превеликой горе стоящу. И сего ради им паче всех от огненных стрелбы нужнее было, а ззади от частаго приходу черемискаго.

Прочия же полки сташа между Булаком и Казанью об сию страну от Волги. Сам же благочестивый царь с величайшим полком стояще от Казани аки за версту или мало болши, с приходу своего от Волги, на месте пригористом. И сицевым чином тмочисленные полки обступиша селение и град бусурманский и отъяша отовсюду пути и проезды ко граду, яко не возмогоша погании ни из града, ни во град проходити.

Царь же казанский затворися во граде со тремадесять тысящей избранных своих воинов, и со всеми карачи духовными их и мирскими, и з двором своим. А другую половину воинства оставил вне града в лесах, такожде и те люди, их же прислал ему в помощь нагайской Улубий, а было их аки две тысящи и несколько сот.

И по трех днех начаша близко града шанцы ставити, туры прикативше. Нечестивии же ни мало усумнешася, но в замерзении своем упорно сташа, на свою последнюю погибель, на покорение же не изволяху, но паче кровопролития желажу. И зело браняхуся, ово биющесея со града, ово выбегающе вручь секошася, не хотяще дати христианскому воинству облещи града, и туров и шанец ставити, и утвердит стенобитных хитростей.

И падаху со обою страну множество люду, но вяшши бусурманов, нежели христиан. И сего ради знак Божия милосердия являшесея христианом и дух храбрости благочестивому воинству прискоряшесея. И Божиим пособием нечестивии побеждени быша, и плещи своя обратив, друг друга топчуще, во град бежаша.

И тако христианское воинство совершенно обсташа град, и крепко заточиша шанцы, и стрелцы с полковниками их вкопашася в землю, и аки уже безстрашни от стрелбы градския и от вытечек их мняшесея быти.

Тогда привлекоша близко града в шанцы великия пушки и средняя, такожде и огненные, ими же вверх стреляют. И бяше всех их во всех шанцах от всех стран поставленных до полутораэта, и мнейшая бяше полутора сажени. Еще же и кроме того бяху полевоя многия пушки около шатров и стана царева в полку его.

И по том вскоре повеле государь раскат высокой соделати. И соделан бысть тайно версты за две от града, и единою нощию блиско стены градныя поставлен, много вышше стен градных. И на него подъяша десять пушек великих и пятьдесят затинных, и при них воинов с ручницами.

И повелено стрелцом и пушкарем пременяся безпрестанно по граду стреляти, иже зело велику тщету во граде творяху с того раскату. И таково тех стрелцов стреляние искусно бысть, яко не даваху поганым не токмо по улицам и по домом ходити, но ниже из храмин изникнути. Бяху бо стрелцы и пушкари тако зело стрелянию изучены, яко из пищалей птиц на лету побиваху.

Также и иныя стенобитныя хитрости на многих потребных местах утверждены быша. И тако утвердившися, начаша со всех стран бити по стенам града, и уже очистиша стрелбу великую во граде, сиречь не даваху поганым стреляти из великих пушек на воин-

ство христианское, точию затинных и ручных пищалей стрелянию отъяти не могоша – ими же многу тщету творяху в воинстве христианском в людех и конех.

И еще к тому тогда иную хитрость изобрете царь казанский против христианского воинства. Ибо уложил он таковой совет со оным своим воинством, их же оставил вне града на лесах, и положил с ними таковое знамение, а по их языку ясак. Егда изнесут на высокую башню, иногда же на град на высочайшее место хоругвь их бусурманскую зело великую и начнут ею махать, тогда [тогда глаголю, понеже далось воинству в память] ударят со всех стран из лесов зело грозно и прудко во устройении полков бусурманы на полки христианские, а от града в той же час во все врата выехали сущие во граде бусурманы на шанцы воинства христианского.

И так зело жестоко и прутко наступали, яко верити неудобно. И единою изыдоша сами карачи со двором царевым, и с ними аки десять тысящей воинства на оныя шанцы, идеже поставлены быша великия пушки. И толико жестокою сечу со христианы учиниша, яко уже всех их далеко от пушек отогнали было.

И за Божию помощь приспеша тамо дворяне муромцы, ибо негде близко того места станы своя имели. И между российскими воинствы те дворяне зело храбрые и мужественные мужи стародавние в родех российских. Иже абие взопроша карачей со всеми силами их, яко принудишася от них тыл подати и в бегство обратиться. Тии же до врат градных гнаша по них, секуще и колюще поганых, и не тако много побиено бысть их, яко сами во вратех градных подавишася тесноты ради. Многих же и живых яша.

В тот же час и в прочие врата вытекали, но не тако крепко бишася. И воистину на всяк день аки три недели тоя беды было, яко и сухаго брашна и нужных пищи не даваху воинству в сытость ясти. Но обаче господь Бог помогал христианскому воинству, ово храбро, при помощи его святой, сражахуся с ними, пешие с пешими от града выбегающими, конные же с конными, из лесов выезжающими.

А к тому и пушки великия, иже з железными ядрами, обращающе от града стреляху на те полки бусурманские, иже отовне града с лесов наезжали. А горше всех от их наездов было тому христианскому воинству, которые стояли на Арском поле. Такожде и полку Правья руки, иже стояше от Галицкой дороги, от луговой черемисы.

А которья полки стояли за Булаком от Волги, на которой стране бяше царский полк, те от внешнего нахождения бусурманского в покою пребывали. Точию из града частые вытечки имели, яко ближе стояли под стенами градными у пушек.

Благочестивый же царь и в последнем том случаи будучи не желаше кровопролития и гибели поганых, но яко царь христианский желаше того, дабы покорилися ему нечестивии без кровопролития. И того ради многих языков плененных отпускаше во град, такожде и увещевати поганых посылаше ко граду многих своих сиклитов, дабы обратилися на истинну и покорение, обещавая им всякую свою милость и вин их оставление.

Егда же не восхотеша тако сотворити, тогда царь благочестивый повеле им сказати: аще сами не хотят покоритися Российскому скиптродержавию, то да изыдут из града со всем именем своим, и с женами своими, и з детми, и с хищником царем своим амо же хотят, град же отдадут в руце благочестивому царю, яко природное их обладание. Ибо на земле Болгарстей поставлен есть, яже исконно бяше область великих государей.

Они же злочестивии ниже краем уха сего послушаху. Ибо зело на погибель свою ожесточишася, и скверными языки своими хулныя словеса испущаху: прежде же на господя Бога нашего, веру православную укаряюще; благочестиваго же царя скиптру такожде многия досадительныя злобы исполненныя словеса испущаху; смиритися же отнюдь не хотяху.

Но кровопролития желающе, исходяще из града непрестанныя брани составляху. Что же еще поведати, яковую тщету они бусурманы делаша христианскому воинству в людех и конех? Ибо которые люди дворов боярских отъезжали, травы конем добывающе, тех не

могли обранити ниже многие ротмистры, стрегущи и опасаящи того с вой своими, злохитрства ради бусурманскаго и внезапнаго наглаго прудкаго их наезжания. Воистинну и пишущи не исписал бы по ряду, сколко оных слуг побито и поранено.

Видев же царь казанский, яко уже изнемогло было зело воинство христианское, наипаче же оное, кое блиско града в шанцах у пушек было, ово от частых вытечек и наездов их из лесов, ово от глада – зане, яко рех, с покоем и сухаго хлеба не давали ясти – ово от скудости пищи, ибо уже зело дорого покупали всякия брашна в воинстве, к тому ж мало не все ночи без сна пребывали, стрегуще пушек, паче же живота и чести своей.

Егда же, яко рех, уразумели утруждение воинства христианскаго яко царь их, тако и вне града будущие полки бусурманские, тогда сильнее и чаще отовне наезжали и из града исходили, непрестанныя брани составляюще. С Арскаго же поля и из прочих мест многое замещение творяху, ни малаго покоя дающе христианскому воинству.

Благочестивый же царь, видев бывшая злая от поганых воинству, вниде в совет со всеми бояры, и воеводы, и протчими чиновачалники, и искусными ратоборцы. И совет той в конец благ благоволением Божиим произведен бысть. Разделити бо повелел воинство на две части, его же едину остави в шанцах под градом у пушек; части же немалой в полку своем повеле быти при шатрах своих, здравия своего хранити; а тридесять тысяч конников устроив раздели на полки по воинскому обыкновению.

И постави над киимждо полком по два, негде и по три воевод храбрых и в богатырских вещех свидетельствованных. Такожде и пеших стрелцов и казаков аки пятнадесять тысяч произведе и раздели на полки под устройением полковников. Воеводы же над тем воинством поставлены быша: князь Александр Борисович Шуйской-Горбатой, муж зело разумный, и постоянный, и в воинских делех свидетельствованный; и Данило Романов, соплемянен сущи самому царю, муж многоразумный и богатырь свидетельствованный; и иные мнози воеводы, ведомыя всякаго бусурманскаго коварства и ухищрения.

И заповедав им воинство оное закрыта за горами в тайном месте. И егда изыдут погании по обычаю своему из лесов, тогда повелено им сразитися с ними; и бысть тако. Во утрие же в третий час дни по обычаю своему изыдоша погании из лесов на великое Арское поле и первее удариша на ротмистров, иже пред полки на страже были, им же повелено бяше уступит до шанцов иже под градом.

Погании же уповающе, аки бы убоявся христиане побегоша, гнаша за ними. Егда же тии внидоша в обозы своя, начаша погании пред шанцами круги водити и герцовати, стреляюще из луков по подобию частости дождя. Иныя же их полки конныя и пешия во устройении многом помалу идяху, аки уже пожрети христиан чающе.

Тогда убо, тогда глаголю изыдоша абие оные воеводы из тайнаго места со многими зело стройно убранными воинствы и со многим потщанием приближишася ко сражению. Бусурманы же, видевшя себе прелщенных сущих, и ради бы назад к лесом, но не возмогоша ибо уже далеко изыдоша. И тако хотяще и не хотяще составиша брань и крепко сразишася с первыми полки.

Егда же надспел великий полк, в нем же бяше сам воевода оный князь Александр Борисович, такожде и пешие полки приближишася обступающе их, тогда абие вси полки поганския в бегство обратишася. Христианское же воинство гнаша за ними, биюще и секуще их бежащих.

И тако побеждени быша погании, яко над семи верстах и болши легло трупия их, к тому до тысящи живых взяша. И тако тогда за Божию помощию восприяша христианское воинство зело великую и пресветлую победу над погаными.

Егда же пленники оные пред царя приведени быша, повеле их пред шанцы изведши к колью привязати, да своих сущих во граде молят и просят, дабы подали град Казань цареви

христианскому. Такожде и синклитове царские ездяще глаголаху им, обещавающе живот и свободу яко тем пленником, тако и сущим во граде.

Они же словес сих тихо выслушав, абие начаша стреляти со стен града, не тако по христианех, яко по своих, глаголюще: «Лучше увидим вас мертвых от рук наших бусурманских, нежели бы посекали вас гауры необрезанные». И оные хульные словеса отрыгаху с яростию мною, яко дивитися всем зрящим сия.

По сем аки по трех днех повеле благочестивый царь оному отделенному воинству со преждереченными воеводы ити на засеку, юже соделаша погании между двема блаты на горе единой аки в десяти верстах от града, идеже тии по победе оной мнози собрашася и умыслиша оттуду, яко из града некоего выезжаючи, паки на воинство христианское ударяти.

И к тому еще ко оному преждереченному великому воеводе придаде другаго воеводу, князя Семена Ивановича Микулинскаго, суца от роду тферских великих князей, мужа особнаго храбраго, мужества зело исполненнаго, и в богатырских вещах искуснаго, и пред сим многи брани с поганы имевшаго.

И даде им царь повеление таково: аще бы им Бог помогл стену оную пройти, дабы шли со всем воинством даже до Арскаго города, иже стоит от Казани верст яко сто и вяшще.

Егда же приидоша ко оной стене, опрощася бусурманы и начаша крепко притивитися, аки чрез два часа биющеся. Потом Божию помощью одолеша христиане поганых огненною стрелбою, яко великою, тако и ручною. И побегоша погании, христиане же гнаша по них, и тако преидоша стену оную.

К царю же о сем ведомость послаша, и бысть радость велика сущему под градом воинству. И пребысть оное воинство на стене той ношь едину, идеже обретоша в стенах и шатрах татарских немало корыстей. И пошедше оттуду два дни, приидоша ко оному Арскому городу и обретоша его пуст оставлен, от страха бо вси избегоша из него в далечайшыя леса.

И плениша тамо в земли оной воинство христианское аки десять дней. Бяху бо в земли той поля великия и зело преизобилные, и гобзующие на всякия плоды. Такожде и дворы мурз их зело прекрасные и удивлению достойные, и села частыя, хлебов же всяких такое тамо множество, яко неудобно веры яти и исповедати трудно, ибо наподобие звезд небесных клади всяких семян стояху.

Такожде и скотов различных множество стад безчисленное, и корыстей многоценных, наипаче же от различных зверей, обретающихся в земли оной. Ибо тамо родятся куницы добрые, лисицы, белки, лоси, елени и прочия звери ко одеждам и ядению потребныя, а мало дале того есть соболей множество и медов, не вем бо где бы под солнцем большыи было.

И по десяти днех воинство то со безчисленными корыстями и со множеством плена жен и детей бусурманских возвратися здраво. Такожде и своих многих древле заведенных тамо свободили от бусурманския многолетней работы. И бысть тогда в воинстве христианском велия радость и Богу благодарение воспевашеся.

Живности же всякия толика дашевизна бяше в воинстве, яко краву по десяти денег покупали, а вола великаго по десяти копеек вскоре после возвращения онаго воинства. И от того времени воинству, будущему в шанцах под градом, от внешних находений поганских свободнее начася быти. Ибо уже по том не пекошася о внешних татарских воинствах, точию з будущими во граде бияхуся.

По том аки по четырех днех собрало ся луговья черемисы немало и ударили на задняя станы российскаго воинства, иже от Галицкой дороги стояли, и немало стад конских отогнали. Воеводы же полков оных послаша в погоню за ними трех ротмистров, и за ними другие посыланы полки во устроении, засады ради. И угнаша черемису в верстах пятнадцати или и дале, и отбиша стада оныя, самих же многих избиша, а иных живых взяша.

И что много глаголю пишущи? Аще бы пишущи порядку, еже тамо под градом на кийждо день деялось, того бы целая книга была. Но сие токмо вкратце воспомянути достоин,

яко они на воинство христианское чары творили и великое дождевство и ненастие наводили, яко скоро по облежании града бяше сице. Егда солнце начнет восходит, взыдут на град [всему воинству зряшу] ово престарелыя мужи, ово бабы, и начнут вопити, сатанинские словеса глаголюще, машуще одеждами на воинство христианское и вертящесе безобразно. Тогда абие востанет ветер и сочинятся облаки, аще бы день и зело ясен начался, и будет такой дождь, яко и сухия места обратятся в блато и мокроты исполнятся. И сие точию бяше над воинством, а по странам несть, точию по естеству аера случившися.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.